

Последняя осень для № 3

The background of the cover is a composite image. The top half shows a dark blue sky with a large, glowing blue planet (resembling Earth) on the right. A bright white streak, likely a jet, cuts across the sky from the left towards the right. The bottom half shows a cityscape at dusk or dawn, with several tall skyscrapers and a body of water in the foreground reflecting the buildings. The overall color palette is dominated by blues and greys.

18+

Анастасия Кочергина

Анастасия Кочергина

Последняя осень для № 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40517053

SelfPub; 2019

Аннотация

Что Вы будете делать, если вдруг узнаете, что в ближайшее время всю Вашу Вселенную накроет апокалипсис? И изменить ничего нельзя. Вы попытаете переоценить остаток своей жизни? Или найти её смысл именно для себя? Или полюбить по-настоящему? А если Вы узнаете, что причина всего – Вы сами? Или не только Вы?..

Средняя полоса России, провинциальный городок, 4 сентября. Марина.

– Мама, мама! Смотри! А когда звезды на небе двигаются, это что? Вот там вот, – широко раскрыв от удивления глаза, а заодно и рот, мальчик лет восьми указывал пальцем в направлении вечернего звездного неба, туда, куда, по его мнению, должна была непременно посмотреть его мать, уставшая к вечеру хрупкая молодая женщина.

– Самолет, наверно, ну или спутник какой-нибудь, – в отличие от ребенка, молодая женщина шла, глядя исключительно себе под ноги, стараясь не наступать на первые осенние лужи, сгибаясь под тяжестью сумки с покупками.

Ее крайне мало интересовали звезды в небе. Она, будучи не самой практичной матерью-одиночкой, нерационально потратившей на покупки внушительную сумму денег, шла и решала в уме регулярную для нее проблему, а именно: получится ли оптимально сэкономить до зарплаты или лучше сразу попросить взаймы у собственных родителей, с возможностью "может быть отдать как-нибудь потом".

– Не-а, не самолет, огоньков ведь много же. В самолетах так не бывает, – оторвал ее от мыслей сын.

– Ну, что ты опять выдумываешь?

– Я не выдумываю. Мам, ну, посмотри же! Красиво!.... Ну, мам, смотри вот там, вот.....Уй! М-м-м! – ре-

бенок, засмотревшись, споткнулся, упал в небольшую лужу, и потирал теперь, тихо постанывая и всхлипывая, ушибленное мокрое колено.

Его мать, разозлившись, в бессильном отчаянии, выронила сумку. Брючки были школьные. Других, подходящих для школы и, главное, чистых уже не было. Придется стирать и отпаривать. На ночь глядя.

– Артем, растяпа. Опять..... В чем теперь в школу завтра пойдешь? Всегда же говорю, под ноги надо смотреть, а не по сторонам глазеть, – привычно ворчала молодая мать, поднимая ребенка и оттряхивая намокшие в луже штаны.

Мальчик надул щеки и, обидевшись, молчал.

– А это что? Еще и дыра? Уже успел подраться? В школе? – в середине мокрого пятна на коленке обнаружилась кривая дыра, старательно скрепленная не совсем добровольно изъятой у одноклассницы девчачьей булавкой с кошкой "китти", в надежде, что дырка быстро не обнаружится и "влетит" за нее не сегодня.

– Я что тебе всегда говорила? Любой спор можно всегда решить словами.

– Не любой, и не всегда.... И деда наоборот говорит, – насупившись, ответил ребенок, – и подрались мы, потому что огоньки я еще вчера вечером в окно видел. Только их еще мало было. А Сёма сказал, это – НэЛэО, такие ракеты на которых всякие умные планетяне прилетают. А Славка сказал, что НэЛэО и планетян не бывает. А я сказал, что бы-

вают, только они серо-зеленые и с большой головой и плохие, потому что людей воруют. Я по телевизору видел. А Славка сказал, их в телевизоре и придумали, чтобы всех пугать.....А Сёма сказал потом, это..... А Славка....., ну..... А потом.....И мы подрались, вот.

Не зная, как внятно объяснить причину драки, ребёнок понуро повесил голову.

Марина (так звали молодую женщину) подумала, что надо бы проследить, что за программы смотрит ее ребёнок, кроме мультиков на детских каналах. Да, наверно, и мультики стоило бы отфильтровать.

Артемка был умный мальчик, учился хорошо и как-то легко, без трудностей, но поведение.....Его постоянное стремление к установлению правды и справедливости часто превращали для Марины посещение родительских собраний в наказание. Родители менее способных учеников постоянно жаловались на Артема, но, к счастью, круглый отличник Артем очень улучшал итоговую отчетную статистику учительницы, поэтому на его поведение она смотрела сквозь пальцы, называя его драчливость "за справедливость" возрастной активностью.

Тем не менее, Марина была твердо уверена, что в воспитательных целях ребенка надо обязательно как-то отчитывать и наказывать. А к родительским обязанностям она относилась очень ответственно. Поэтому ее брови стали медленно грозно сдвигаться, а непреклонный взгляд устремился в гла-

за ребенка.

Кроме того, тяжелый рабочий день и накопившаяся усталость быстро переплавили все женские эмоции в раздраженный гнев, и, в раздувающихся ноздрях матери, ребенок увидел угрозу получения первой возможной оплеухи.

– Я больше не бу-у-уду, – плаксиво промямлил Артем стандартно-спасительную фразу.

Мальчик понуро стоял на краю лужи, изредка потирая ушибленное колено. Он не был зачинщиком драк, не особенно понимал, в чем он виноват, ведь в восемь лет аргумент в виде кулака гораздо более весомый, чем какие-то там слова.

Он знал, что мать сейчас покричит, выговориться, может, даст ему сгоряча подзатыльник. Но, зато потом, пожалеет его, расцелует и даже купит коробку бисквитных "медвежат Барни". Она сама их любит, особенно клубничные. За период его небольшого житейского опыта в качестве драчуна, все это повторялось уже много раз.

Зато потом, чуть попозже, можно будет снова спросить о том, что сейчас интересовало его больше всего в силу детского природного любопытства – что же там в небе такое?

Плаксивость подействовала, матери стало жаль любимое чадо, но поругать все же стоило:

– Вот как так можно, вот зачем, а? И что вот с тобой делать? Лупить что ли?.....И выйди, наконец из лужи, неряха. Вон, все ноги промочил, – женщина подошла к луже поближе, кинула укоризненный взгляд на детские кроссовки, и, по

инерции, взгляд скользнул дальше, в сияющее отражение.

– А....? Что....? Это...что???

Мальчик, от неожиданной перемены в обычной тираде матери, удивился, перестал ныть и, хлопая в непонимании глазами, уставился на мать. Молодая женщина, в испуге, таращила глаза в лужу, где отражалось что-то странное.

– Мамуля, я про это тебе и говорил. Только вон там вот, наверху..... Правда ведь, красиво, да? – восторженно сказал ребенок, увидев направление взгляда матери и указывая пальцем вверх.

– Тёмочка, что это? Так не бывает! Пойдем домой скорее, – женщина сгребла мальчика в охапку.

Черное небо зловеще светилось миллионами ярких звезд, которые медленно, еле заметно, но неумолимо стекались в одну точку. В ней, в этой точке происходила пульсация света, которая поглощала звезды, превращая их в нестерпимо жгучую черноту. Знакомые с детства созвездия деформировались, теряя свои привычные очертания. Все это действо напоминало скатерть, которую кто-то за угол медленно стягивал со стола.

Будучи не очень образованной и не очень-то и умной, Марина вначале впала в ступор. Ее мозг пытался рационально и обыденно привычно разложить все видимое глазами в безопасную схему хоть какого-нибудь, пусть и нелогичного,

объяснения.

Может, это реклама такая новая? Она в кино каком-то фантастическом недавно видела. Сейчас все эти нелепые световые пятна вспыхнут красивыми фейерверками и сами собой сложатся в пляшущие буквы, типа "coca-cola zero, 0 сахара и калорий" или там " безалкогольное пиво "Балтика" – собери тусу друзей, вкус тот же, алкоголя – нет".

Хотя, наверно, сейчас бы наличие алкоголя в крови хотя бы помогло объяснить эту непостижимую сознанием ситуацию..... Все, будем считать, это реклама, или типа того. Проблема только в том, что городок слишком провинциален и слишком мал для такого рода рекламы.

То есть, там вверху полная неизвестность.

А неизвестность всегда порождает только два состояния: безрассудный азарт любопытства неосторожного исследователя, или страх, инстинктивный, панический, животный, неконтролируемый. Именно поэтому все мы боимся темноты и высоты, ведь мы не знаем, что там в темноте и на сколько высоко.

А страх неизвестной, но потенциальной угрозы всегда сильнее. И именно он рождает в нас желание бежать, спастись и спрятаться, отторгать, не признавать наличие этой самой угрозы.

Марина относилась к типу чрезмерно осторожных людей, поэтому, когда она все-таки, спустя пару минут осознала действительность, ступор сменился паникой. Страх холод-

ком пробежал по хребту Марины, обхватил горло, сдавил, перекрыл дыхание. Неправдоподобность, но реальность происходящего слегка сводила с ума.

Конечно, вполне возможно, что это какое-то редкое природное явление, типа там северное сияние на юге, а Марина просто истеричная паникерша с расшатанной психикой. И в вечерних "Новостях" по телику расскажут о каком-нибудь редком параде ярких комет, летящих в одну сторону, которое бывает раз в тысячу лет. И все скажут громкое "ура".

Но Марина всегда была сильная трусиха и боялась всего, что нарушало привычный ритм ее жизни. Она боялась высоты и огня. Опасалась глубины. Боялась выглядеть нелепо в незнакомой ситуации. Боялась цыганок. Боялась НЛО и привидений, хотя ни тех ни других никогда не видела, и очень бы не хотела видеть.

Отчасти она даже гордилась этим свойством. Бояться, значит быть внимательной и осторожной.

Зачем она подняла глаза наверх? Не увидела бы, и все было бы как всегда, стабильно и надежно. А главное – правильно.

Надо взять себя в руки и раньше времени не паниковать. Всему всегда есть свое объяснение.

– Артёмка, домой... – осипшим голосом произнесла Марина, и на подкосившихся ногах заспешила домой, надеясь, что это ужасающее природное явление как-нибудь прокомментируют в «Новостях», успокаивая телезрителей.

«Новости» промолчали....

* * * *

Москва, РОСКОСМОС, 5 сентября.

– Нет, это Вы мне объясните, что здесь происходит! Как мы сможем успокоить граждан? Чем ВЫ сможете успокоить россиян? Россияне хотят быть спокойны за свое будущее!.....И что вообще происходит? Что я должен доложить Президенту?...

– Я-то откуда могу знать, что Вы будете докладывать? Вы же помощник Президента и входите в Наблюдательный Совет "Роскосмос"а, а не я, Вам и виднее.

– Я прошу Вас, Александр Андреевич, прекратите паясничать. Возьмите себя в руки. Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Вы – ведущий специалист, и Ваши коллеги единодушно посчитали, что только Вы лично сможете прокомментировать ту докладную записку, которую три дня назад Вы предоставили своему руководству с просьбой ознакомиться с ней Президента. Именно поэтому я здесь и жду Ваших объяснений. Что все это значит? Что за намек на какой-то апокалипсис? И что в конце концов, значит это скопление звезд в небе?

– Что? Да назовите, как хотите..... Апокалипсис, Конец Света, как хотите, суть не меняется! Все!!! Конец!!!

Худощавый взлохмаченный астрофизик, Логвинов Алек-

сандр Андреевич, с полусумасшедшим обреченным взглядом бессильно взмахнул руками. Его собеседник, помощник Президента Российской Федерации и член Наблюдательного Совета Госкорпорации "Роскосмос", слегка отшатнулся от него, решив, что ученый потерял рассудок на почве своих исследований.

– Поспокойнее, Александр Андреич, не так импульсивно. Мы не собираемся на Вас давить и наседать. Я прошу Вас только доходчиво объяснить телезрителям, что причин для паники нет, что данное природное явление вполне допустимо и абсолютно безопасно, – вкрадчиво, чтобы не вызвать новый всплеск эмоций со стороны астрофизика, сказал респектабельный тележурналист, привычно улыбаясь отбеленными зубами.

Этот хваткий успешный тележурналист Олег Кашавин прославился на своем телеканале "Россия 24" чертовским везением и умением оказаться в нужном месте в нужное время, с помощью которых брал актуальные интервью в любых ситуациях.

Операторы этого же известного новостного телеканала нерешительно топтались тут же, не зная, что предпринять и опасаясь за сохранность своего дорогостоящего оборудования. Они, в отличие от журналиста на свое везение не слишком рассчитывали.

– Допустимо? Безусловно, ведь это – физика.....Безопасно?! Ну, как сказать? Возможно..... Относительно микробов

– не знаю, может они выживут, люди – точно нет. Все равно же ничего не изменить.....Так им и объясните. Паниковать не надо? Ладно, не надо. Все равно, никто не спасется! Это НЕ ВОЗМОЖНО!!! Я же Вам битый час толкую! Вот, смотрите! – ученый пробежался пальцами по клавиатуре, и на мониторе появилось несколько диаграмм.

Тележурналист, с умным видом, покосился на монитор, но, естественно, ничего не понял:

– И что это?

Ученый насмешливо посмотрел на него, и, нервно, продолжил, слегка запинаясь:

– Постараюсь объяснить доходчиво. Мы всегда считали, что наша Вселенная образовалась от взрыва, соответственно, она расширялась от точки взрыва. НО, за расширением, всегда происходит сжатие, причем, более сильное, чем расширение. Вот, смотрите....., дай-ка, – физик одним нервным движением спихнул с края стола все, что там лежало, быстро снял с растерявшегося от такого самоуправства, рядом стоящего телеоператора его не застегнутую рубашку, накинутую на футболку, которую и расправил на столе.

Он рассеянно пошарил по карманам и достал мятый клетчатый носовой платок не первой свежести. Платок любовно расправил, потом сложил в четыре раза и пристроил с краю, поближе к пуговицам. Взял маркер и в углу платка нарисовал жирную точку.

– Вот, точка – это наша Солнечная система. Платок – га-

лактика Млечный путь. А рубашка....., ну это как бы часть нашей Вселенной, где мы находимся. Маловата, конечно, масштаб не тот....., но если условно представить....., вроде как та небольшая часть, видимая "Кеплером", которая....., а, ладно....., – он махнул рукой, увидев непонимание в глазах слушателей. – И вот, живем мы себе потихоньку, расширяемся, – он потянул за края рубашки так, что нитки затрещали, – и вдруг все, предел, дальше некуда!

Оператор, владелец рубашки, подозрительно покосился на рвущиеся швы, но промолчал, заинтересовавшись объяснением.

– Так вот. И тогда все начинает возвращается в исходную точку, со скоростью, возрастающей в геометрической прогрессии, – продолжил физик и начал наглядно комкать рубашку в районе воротника, другой рукой потихоньку сминая замызганный угол носового платка.

– И вот, конечная точка, действительно точка, (рубашку я, конечно так смять не смогу) достигает огромной плотности, массы, энергии и времени. Затем, новый взрыв, и все по новой, и так далее. Расширение происходит миллиарды земных лет, что по масштабам Вселенной, конечно, тьфу. Но для нас с вами, конечно, существенно. И мы, наивные, думали, что и сжатие происходит так же долго. Да, и нас оно, вроде как, не застигнет. Идиоты! Самонадеянные идиоты! – он в отчаянии взмахнул руками и схватился за голову, помолчал и снова заговорил.

– И, заметьте, мы видим данный процесс только в пределах нашей собственной галактики, нашего Млечного Пути, – физик вновь обернулся к столу и указал на скомканный носовой платок.

– Вот. Мы сжимаемся в центр нашей собственной черной дыры. А она уже стремиться дальше к центру Вселенной. И что там, мы ни черта не знаем. И сколько времени займет этот процесс нам тоже не известно. Конечно, параллельно с нами будут сжиматься и другие галактики, которые по любому будут влиять на процесс. Неизбежны будут и столкновения, и поглощения. Хотя, будучи перемолотыми местной черной дырой, нам уже будет все равно. И в конечном итоге, вся сфера нашей Вселенной просто схлопнется в точку. Это как воздушный шарик. Надуваешь, надуваешь, дошёл до предела, и всё. Либо лопнет, либо – сдувай. И если не держать, сдуется он моментально. Конечно, есть предположение, что в центре нашей галактики находится "кротовая нора" и это конкретный шанс перепрыгнуть в другую реальность. Но боюсь, этот шанс не совместим с жизнью. Ни нашей, ни тараканов, разве что, микробы могут выжить. Но это вам у биологов проконсультироваться надо. Им виднее. Так что, в любом случае..... всё! – устало сказал физик и сел на стул, всем своим видом показывая, что сказать ему больше нечего.

Возникло затяжное молчание, сопровождающееся напряженным сопением, явно указывающим на напряженную ра-

боту умственной деятельности.

– Понятно,..... наверно....., – от имени всех молчавших присутствующих пробурчал оператор Андрей, лишённый рубашки, считая, что надо как-нибудь заполнить звенящую в ушах тишину.

Но все продолжали напряжённо молчать, осмысливая сказанное.

– Всё это, конечно, чрезвычайно интересно, – заявил, наконец, тележурналист, все так же по инерции продолжая натянуто улыбаться и непрестанно по профессиональной привычке кивать головой, тем самым выражая несуществующую заинтересованность в собеседнике и мнимую осведомленность в обсуждаемом вопросе, – но, наверно, будет лучше, если Вы все это повторите на камеру, так же, но уже без платка и рубашки. Вообще так, побольше терминов, кратко, но расслаблено и с улыбкой. Зрители это любят. А мы потом добавим комментарии видных общественных деятелей.

– Так ведь никто ничего не поймет. Вы же, я смотрю, почти ничего не поняли? – спросил физик, удивляясь безмятежному спокойствию присутствующих.

– И не надо. Среднестатистического обывателя крайне мало интересуют Ваши, говоря откровенно, в общем-то довольно бесполезные для него, обывателя, исследования. Россиян давно уже космос интересует в основном только в качестве развлекательных фильмов. Гораздо больше всех интересуют последние выпуски новых гаджетов от Apple или

Samsung, конкурентная способность Honor или Xiaomi, курс валют, проценты ипотечных ставок и последняя серия какого-нибудь популярного телесериала. Ну и, конечно, частная жизнь "звезд", их фотки в "instagram" – подытожил журналист, – а Вы, простите, совсем не "звезда", хоть с космосом и работаете.

Ученый, слушая тележурналиста, совсем повесил голову, но вдруг резко вскинулся и глядя ему прямо в глаза заявил:

– Но люди должны знать правду! Скоро не будет ни валют, ни криптовалют, ни сериалов, ни instagram, ... жизни вообще не будет. Ничего не будет!

– Возможно. Не исключено. Что-то же в космосе происходит. Это-то Вы и должны объяснить. Мы, как официальный новостной канал, должны быть первыми в обрисовке реальной ситуации. Но так, чтобы не создавать массовой паники. Наша задача, сохранить спокойствие людей. А для этого мы сами составим общественное мнение и подадим телезрителям, как их собственное. Над разработкой мнения целый отдел аналитиков трудится.

– А Вам не страшно? – вновь удивленно и одновременно задумчиво спросил физик.

– Кому? Нам?..... Страшновато, конечно, если взять во внимание Ваше объяснение, но...

– А-а, Вы еще не осознали, – протянул ученый, – я тоже несколько дней мучился и отвергал очевидное.

– Думаю, осознал. Но Вы же ученый, Вы же нас спасете! –

лучезарно улыбнулся журналист.

– Я??? Да как спасу-то? – перебивая его воскликнул физик.

– Ну а Вы что предлагаете? Все бросить и начать паниковать? Оставляя людей в счастливом неведении, мы сохраняем гражданский порядок и надежду на будущее. Люди без надежды – неуправляемая, стихийная масса. Вы представляете, что Вы спровоцируете своей "правдой"? Разве гуманно смертельно больному сообщать срок остатка жизни? Гораздо лучше оставить его в неведении, – продолжал настаивать журналист.

– Но ведь, рано или поздно, даже наивный смертельно больной все равно способен догадаться.

– Конечно, но именно поэтому, мы и должны сделать все возможное, чтобы прозрение наступило как можно позднее. Пусть что-то из фактов, мы сейчас умолчим, или осветим в несколько ином ракурсе, мы добьемся нужного нам результата....., – и сразу пресекая возможные вопросы, тележурналист продолжил, – Зачем нормальному человеку знать, что у его детей нет будущего? Что у него самого нет никаких перспектив на будущее?... Вот поэтому я и здесь. Вот поэтому мы и будем снимать что-то более жизнеутверждающее. Зрителям не нужна достоверная информация.

– Да,..... зато она нужна мне, – грустно заявил помощник Президента.

Все снова ненадолго замолчали.

– Я вот думаю....., а чего тогда Землю к Солнцу не притягивает? – вдруг задумчиво спросил оператор Андрей. Тот самый, чью рубашку позаимствовал астрофизик.

От такого неожиданного умозаключения лица всех без исключения присутствующих удивленно повернулись к нему с неммым вопросом.

– Что? Нельзя спросить что ли? – смущаясь ответил оператор.

– Все нормально. Это хороший вопрос для... м-м.. непосвященного человека, – сказал астрофизик, деликатно заменяя "не достаточно образованный" в его понимании, – видите ли, в данном случае действует несколько иной принцип работы физических законов. Ну и в любом случае, гравитация черной дыры на порядок сильнее. И это нам, так сказать, бонус от Вселенной. Движение к черной дыре дает нам дополнительное время "агонии". Мы проживем несколько дольше.

– И что же, все-таки, шансы выжить у человечества есть? – поинтересовался тележурналист.

– Никаких, – грустно ответил ученый.

– Ну как так?! – возмущенно воскликнул помощник Президента, – Правительство работает в напряженном режиме! Мы всегда предпринимаем все возможное! Мы столько всего уже рассмотрели в кратчайшие сроки! Разрабатываются стратегические планы, рассматриваются все варианты! Что же, по Вашему, все напрасно?

– Да.

– Нет, ну нельзя же так! Надо же что-то делать, думать, предпринимать. Что дальше-то будет? – всплеснул руками тележурналист.

– Ничего..... Хотите – делайте, думайте, предпринимайте. Можете даже начать молиться, может поможет. Потому что вся наука тут бессильна, – печально пожал плечами астрофизик.

Все присутствующие на секунду замолчали и обреченно задумались, каждый о своем. А потом разом загалдели, выплёскивая эмоции в слова, споря о возможности и способности человеческой цивилизации к выживанию.

Астрофизик устало опустил лоб на руки, мысленно отключив себя от шумных споров. Он вспомнил свое мимолетное знакомство с молодым гениальным ученым.....

Они встретились полгода назад на чествовании одного крупного академика, чье умение находить молодых перспективных ученых с целью использования их идей было гораздо значительнее, чем собственный вклад в науку.

Фуршет проходил в теплой дружественной толкотне у столов с изысканными закусками, среди малознакомых людей с необходимыми друг другу взаимовыгодными связями. Астрофизик, откровенно скучал, жевал устрицу, очередной раз удивляясь, что за безвкусная гадость.

– Вам скучно, – сказал незаметно подошедший к нему парень. Это было утверждение, а не вопрос. Констатация фак-

та.

Логвинов удивился, быстро дожевывая устрицу, стараясь в процессе жевания придумать внятный адекватный ответ. Но парень вновь удивил его уже следующим вопросом.

– А что бы Вы сделали, если бы узнали, что Вам осталось жить полгода? – спокойно, с какой-то пустотой в глазах, так же невыразительно спросил он.

Логвинов от неожиданности подавился устрицей.... В смысле полгода? Что он имеет в виду? О чем это он вообще? Какие еще полгода?

– Э-э..., Вы же....., – напряженно начал вспоминать Логвинов.

Как его там? Их конечно представляли друг другу, но астрофизик не сразу запоминал имена собеседников. Сообщили и темы работ. Логвинов еще мысленно отметил, что тема у парня странная, как и он сам, но для астрофизика интересная и отчасти не лишенная здравого смысла. Разносторонний молодой гений занимался уникальной темой, смешивая квантовую физику и астрофизику одновременно.

– Не парьтесь, мое имя вспоминать совсем необязательно, – улыбнулся молодой неожиданный собеседник, – ну так как, что б Вы сделали, а?

– А зачем Вам? А-а Это вопрос, связанный с темой Вашей работы? – догадался шокированный астрофизик не зная, что и подумать, а тем более ответить.

– И да, и нет....., – уклончиво ответил молодой человек. –

Просто интересно, в какой последовательности люди расставляют приоритеты значимости. У Вас же пытливый ум, вот и интересно. Я знаете ли, в последнее время многим задаю этот вопрос, а ответы часто довольно однотипные.... Халявные деньги, в основном, на исполнение как правило банальной постоянно откладываемой мечты. Получается, большинство осмеливается воплощать свои мечты в конце, когда уже терять нечего, или никогда.....

Я вот знаете, сёрфинг люблю.... и квантовую физику. Любовь к физике с детства, а сёрф освоил недавно. Я был тогда еще бедным студентом, и как-то один приятель предложил сгонять туда, где ловят волну. Он предложил Бали. Ну ему-то проще, его состоятельный отец спонсировал, а я..... Я год копил, где только не работал, на всем экономил. В общем, полетели. Эконом классом шестнадцать часов с пересадками, не знал, как выдержать..... А потом в Джимбаране почувствовал босыми ступнями тёплый влажный песок и понял, вот моё. Вот что влекло меня всю жизнь – пляжный песок, запах океана и волна. Поймать волну, это же так.....!!! Волна она такая,..... как квантовая физика. Либо ты прокатаешься на гребне, либо она тебя накроет и утопит. И ей глубоко наплевать на твою жизнь, если ты не освоил законы ее природы. И вот вроде, только ты ухватил её, поверил в себя и выпрямился, она тебя сбрасывает,.... решение зависит. И так оно всегда, а вот на днях вдруг срослось. Моя теория. В ней не хватало исходной единицы времени.....

Парень слегка покачнулся, но успел схватить бокал с подноса проходившего мимо официанта.

– А Вы пьяны?! – до ошеломленного Логвинова вдруг дошла причина неадекватного поведения собеседника.

– Сегодня не больше, чем Вы. А так, я вообще-то уже неделю не просыхаю, как понял, что все срослось, и я прав. Что все скоро будет именно так, а не иначе. И выхода нет! Не просто осознать, что через полгода человечество дружно содохнет. И поразительно, меня же никто не слышит.... Так что, возьму я пожалуй сёрф и пойду покорять волны. Полгода есть..... Смешно, моя мечта оказывается, такая же банальность..... – парень махнул рукой и на пятках развернулся к выходу, на секунду остановился, обвел рукой гостей и добавил:

– Знаете, а Вы мне нравитесь. Вы меня даже ни разу не перебили. Поэтому – совет.... Не тратьте время на всё это. Лучше потратьте его, на то, что для Вас дорого и значимо. У нас же всего полгода..... Хотя....., Вы же мне не верите....., живите, как знаете. Может, смысл жизни как раз в неверии и не знании.....? Может быть, заблуждаться – это единственное наше осознанное право..... Как знать? Я – не знаю.

И он ушел, также неожиданно, как и появился. А Логвинов вспомнил, над чем же парень работал....

Квантовая теория поля в искривленном простран-

стве-времени. Логвинов был совершенно не заинтересован, следовательно пропустил мимо ушей краткое объяснение молодым физиком своей путаной теории. Понял только, что данное уравнение каким-то образом отлично соотносится с теорией расширения Вселенной.

Правда, квантовая физика наука теоретическая, бездоказательная, базируется на математических выкладках. Поэтому сразу за опубликованием статьи в "Physics Today Online", имя молодого физика обросло шумихой. Научный мир сотрясали раскаты противоречивых мнений. Российские интернет издания, публикующие научные статьи по физике, опубликовывать статью побоялись.

Одни кричали, что это гениально и пахнет "Нобелевкой". Другие – что все это чистой воды шарлатанство, поэтому и опубликовано всего лишь в научно-популярном журнале. Обе стороны сходились только в одном – выводы скоропалительны и мало обоснованы. В любом случае, апокалипсис в ближайшее время наступить никак не может. Этого не может быть, потому что не может быть никогда.

Логвинов читал статью, и на тот момент тоже присоединился к коллективному мнению научного большинства, откровенно полагая, что большинство не может ошибаться. Статья его обескуражила, и он решил, что автор слегка помешался. Познакомившись же с ним лично, Логвинов погряз в сомнениях.

Но почему-то, он поверил молодому ученому. Не хотел,

но парень был настолько убедителен, что не поверить было невозможно.

Полгода....., всего полгода?!

Теперь же, восстанавливая в памяти ту странную встречу, астрофизик осознал, как глубоко заблуждался, как много времени он потерял на сомнения и ошибочную убежденность общественного мнения.

Отчаяние сдавило виски.

Помощник Президента уехал, находясь впервые за всю свою карьеру в полной растерянности. Он уехал на доклад Президенту, так и не решив, что же он сможет доложить, потому что то, что доложить он должен, сознание озвучивать отказывалось.

Телевизионщики, отсняв необходимое интервью, улыбаясь натянутыми улыбками, молча собирали оборудование.

– Ну вот, – грустно сказал один из них, – теперь монтируем, добавляя позитивчик.

– Позитивчик....., – вздохнул Логвинов, – Вы все еще не хотите верить, как не верил и я..... еще тогда, когда он пытался убедить всех нас, не верящих, в своей правоте. Мы как страусы, попрятались в песок своих закорючелых убеждений, что на наш век жизни хватит.

– Это он о ком? – обращаясь ко всем присутствующим, спросил тележурналист, – О том парне, что полгода, как вы-

звал шумиху своей провокационной статьей? Но это же был бред.

– Бред??? – астрофизик подошел к окну своего кабинета и отдернул штору, указывая в небо, где уже днем были хоть и не четко, но все же видны звездные скопления. Вот он – этот бред!!!!

От резкого нервного движения штора надорвалась и висела теперь криво, открывая обзор окна именно в направлении светового пятна.

– Этот молодой гениальный физик рассчитал, что процесс сжатия значительно быстрее и сильнее процесса расширения. Все идет вспять, причем, ускоряясь с каждой последующей секундой, – Логвинов нервно зашагал по кабинету из угла в угол, выговариваясь в пустоту, и даже не рассчитывая, что его слушают и понимают, – Нас засасывает в центр нашей Вселенной, которая сейчас похожа на черную дыру, которая всего лишь часть чего-то огромного непостижимого для нас, вероятно, слегка похожего на кристаллическую решетку. И, нас засасывает с огромной скоростью! Перекорезит до максимальной плотности, уменьшит до размера элементарной частицы, и взрывом выбросит где-то в другой части этой решетки. И, не останется от нас ничего!!!... Возможно, только элементарные частицы. Но мы всего этого не увидим! От человечества вряд ли что останется, еще когда пойдут первые сдвиги Земли с орбиты, которые могут спровоцировать смену полюсов и взрыв Йеллоустоунской кальдеры и иже с

ней..... Мы НИЧЕГО не можем сделать! Мы и десятой части нашей Вселенной не знаем! Процесс необратим!.....

– Да верим мы,.....трудно не поверить! Только вот как?..... Вот как..... быть? – спросил оператор, одевая свою рубашку, которая до сих пор так и лежала на столе.

– Андрей, не надо, – мягко попытался остановить телеоператора его коллега, ассистент.

– Не надо....., – телеоператор Андрей медленно повернулся к коллеге и посмотрел в глаза, – Вот как ты, Серёга,....., ты жене скажешь, все, милая, жизнь кончилась, сын не вырастет?..... Может, даже хорошо?! Ипотеку платить уже не надо, на эти деньги долгожданную новую шубу тебе купим, походишь на последок последние пару месяцев, плевать, что сентябрь. Так что ли? Или, натянув на лицо "покер-фэйс", ты будешь честно врать в глаза любимому человеку до последнего момента, считая, что ложь во спасение это благо?

– Какое спасение-то? – грустно пожал плечами Серёга, – но я буду врать..... наверно..... Не смогу я сказать ей, впечатлительная она очень..... Да и сам я постараюсь не верить, сколько это будет возможно.

– Предпочитаешь самообман? – спросил Андрей.

Ассистент опять молча пожал плечами. Подумал. А потом язвительно спросил:

– А ты типа сам будешь всем правду говорить? Нет, ведь?!

– Он будет, как популярные медийные организации, где каждая со своим подходом к освещению и оценке событий.

Будет говорить в зависимости от потребности, – саркастично, но грустно усмехнулся тележурналист Олег Кашавин.

Андрей не ответил. Напряжение конфликта повисло в воздухе. Телевизионщики, не прощаясь, тихо вышли. Последним уходил Андрей. У двери он остановился и мрачно посмотрел на Логвинова.

Логвинов поднял на него глаза, но промолчал. Они поняли друг друга без слов. Им больше нечего было сказать друг другу.....

Немого позже Логвинов попытался поработать, но не смог. Он очень устал, и морально, и физически.

Астрофизик тупо сидел, раскачиваясь в кресле, обхватив руками голову, которая разрывалась от боли. Сердце жгло огнем. Он знал, подобный огонь скоро сожжет все вокруг. И, избежать этого невозможно.

Сознание отказывалось принять неизбежность. Рассудок не мог вместить в себя неизбежное уничтожение. Инстинкты сопротивлялись, стремились сохранить жизнь этому здоровому телу.

Последние проблески сознания еще сопротивлялись потере рассудка, который уже почти оставил его. Было очень страшно сходить с ума.... Знать, что сходишь с ума....

Надо успокоиться, уговаривал он себя. Все будет хорошо, врал он себе.....Но осознание неизбежного ужаса, который очень скоро настанет, знать, что скоро ты умрешь, сотрешь-

ся в пыль, вместе со всем, что тебе дорого, было еще страшнее.... Рассудок тихо угасал.....

Трясушимися руками он открыл ящик стола, пошарил негнушимися пальцами. Он искал успокоительные таблетки. Но вместо картонной коробочки пальцы вдруг нащупали твердый плоский пластиковый квадрат.

Логвинов достал его. Зеркало. Это просто зеркало, вставленное в яркий пластмассовый чехол, где крышечка служила подставкой. На верхней части, среди витиеватых узоров, красовался логотип "Yves Rocher". Такие зеркала дарят в сети одноименных бутиков при покупке. Хорошее такое зеркало, удобное, дорожное. Не мелкое, все лицо сразу видно, но и не слишком большое, в карман или сумочку легко вместится.

Логвинов вспомнил, жена ему зеркало дала, сказала, что ему не помешало бы хоть иногда заглядывать в зеркало, и, как минимум, причесываться. Он улыбнулся, вспомнив о жене, и открыл зеркало.

Да, отражение оставляло желать лучшего. Бледный, синие круги под глазами, покрасневшие белки глаз, взлохмаченные волосы. Он привычно поднял растопыренную пятерню, которую всегда использовал вместо расчески, изавис.....

Рядом, за спиной в зеркале отражался не четкий, даже какой-то размытый силуэт мужчины в сером костюме. Похоже, он просто стоял за спиной и молча смотрел на Логвинова.

Логвинов осторожно опустил руку и напряженно взгляды-

ваясь в размытый силуэт, пытался понять, кто это. Глаза под-
водили. "Слепну, кажется", – подумал Логвинов.

Сначала он подумал, что это вернулся за чем-то недав-
но ушедший тележурналист. Вроде похож. Костюм, и все та-
кое..... Но, он же был в синем костюме, как сейчас одеваются
многие, чтобы подчеркнуть приверженность к партии Пре-
зидента. А этот серый,..... весь серый.

И, главное, Логвинов не слышал шагов, открывания две-
ри, и вообще какого либо шума, связанного с движениями
человека.

Он еще не успел испугаться, но мозг уже скомандовал –
обернись, резко обернись! Поймай с поличным!

Логвинов дернулся и развернулся.

Никого не было, пустота.....

Он снова осторожно взглянул в зеркало. Там отразилось
его лицо с взлохмаченной шевелюрой и часть пустой комнаты.

Никого не было. Галюцинация? Логвинова мелко затряс-
ло. Нервы совсем сдали.

Феназепам..... Мне нужен феназепам. Где они? Где те таб-
летки, рецепт на которые ему пару дней назад написал его
хороший приятель – врач скорой помощи. Хорошо, что про-
визоры аптек легко берут любые рецепты, была бы печать и
какая-нибудь подпись. Просто, без рецепта сильные успокаи-
вательные уже и не купишь.

Встретившись с Логвиновым, приятель ужаснулся его
впалым глазам с синими кругами и тремору рук, и диагно-

стировал у него невроты, вегетативные дисфункции и расстройство сна.

Приятель гарантировал, что феназепам снизит страхи и эмоциональные напряжения. Рекомендовал только не увлекаться, использовать только в малых дозах и не часто.

Естественно, Логвинов пропустил рекомендации мимо ушей. Таблетки помогали. И действительно, помогали еще вчера. Быстро приходило спокойствие, даже какой-то пофигизм.

Но сегодняшняя встреча совсем выбила его из колеи. "Надо работать" – подумал Логвинов. Выпить таблетку и работать. Это должно успокоить. Работа всегда приносила удовлетворение.

Он выдавил из блистера маленькую белую таблетку. Запил водой из крана. Походил, подышал. Посмотрел на руки. Руки тряслись. Выдавил еще таблетку. Подумал и добавил еще две, чтобы точно, наверняка. Запил противной теплой водой.....

Состояние страха не отпускало. От злости он выдавил последние таблетки из блистера, кинул в рот. Хотел было запить водой, но вдруг вспомнил, что у него в шкафчике стоит дареный "Hennessy". Если разбавить воду коньяком, будет не так противно пить воду из под крана, подумал он и так и сделал.

Через пару минут напряжение отпустило. Очень захотелось спать. Работать, работать, уговаривал он себя. Поспать

чуть-чуть и работать..... Вдруг сильно затошнило и его вырвало в мусорное ведро.

Но было уже поздно. Количество маленьких коварных таблеток значительно превышало необходимую дозу. Логвинова зашатало, он упал, тяжело дыша. Спать, спать.... Больше ничего не хотелось. Уже все равно, что там будет с человечеством и Вселенной. Спать.....

Логвинов сомкнул веки..... Больше он не проснулся.

* * * *

Средняя полоса России, провинциальный городок, 7 сентября. Марина.

Сегодня на ужин были котлеты. Обычные такие замороженные полуфабрикаты из соседнего супермаркета. Марина, как обычно разорвала упаковку и разложила замороженные лепешки неопределенного цвета, именуемые котлетами на раскаленное масло сковороды, одновременно поглядывая, как бы не разварились макароны.

Тут же крутился голодный Артемка. Он совсем не любил покупные котлеты, он любил макароны с тертым сыром. Но сегодня мама забыла купить сыр, поэтому он мужественно готовился к тому, что придется есть невкусные котлеты.

Привычно урчал маленький кухонный телевизор, который создавал скорее обычный шумовой фон, нежели демонстрировал телевизионные программы.

Марина закрыла крышкой котлеты, слила воду с макарон и взяла в руки пульт, намереваясь полистать программы, чтобы найти какую-нибудь легкое вечернее развлекательное шоу.

– Уважаемые телезрители. Мы прерываем наши программы для экстренного выпуска новостей, – вдруг сообщило ТВ.

Марина внутренне напряглась. Вот оно..... Она ждала подобное еще четыре дня назад. А теперь, когда она уже смирилась и успокоилась, ее недавние страхи накатили новой волной.

Что, что сообщат? Программы не прерывают каждый день для экстренных выпусков новостей. А эти выпуски всегда содержат пугающие факты.....

Марина добавила звук и напрягла слух. Артем, видя, что мать взволнована, притих и уставился в ТВ.

Прозвучала заставка выпуска "Новостей", и всегда неулыбающаяся ведущая Екатерина Андреевна сообщила:

– В последние несколько дней мы с вами являемся свидетелями уникального природного явления, наличие которого, безусловно вызывает у вас массу вопросов. Это явление вызвано звездным скоплением и, как нас заверил "Роскосмос" и Федеральное Агентство Научных Организаций является только визуальным эффектом, наблюдаемым с Земли и не несет никакой потенциальной опасности. Подробнее об этом наш специальный корреспондент из Федерального

Агентства Научных Организаций Дмитрий Скворцов.

– Да, Екатерина. Только что мне сообщили, что в Федеральном Агентстве идет активная работа для устранения данного эффекта. Только что закончилась пресс-конференция и журналистов в зал заседаний уже не допускают. Но работа идет полным ходом, – затараторил в микрофон корреспондент.

– Дмитрий, а чем вызван этот эффект?

– М-м, ...да, Екатерина. Эффект вызван незначительным сбоем в экологии.

– Насколько экологический сбой может быть опасен? Чего нужно опасаться россиянам?

– Как нас заверили, ровным счетом ничего. Российские ученые совместно со светилами мировой учености уже успешно преодолевают эту проблему. Так что причин для паники и беспокойств нет, Екатерина?

– Спасибо, Дмитрий.

Марина внутренне напряглась. Все услышанное казалось очень не логичным и противоречащим самому себе. Сквозь туман сомнений и размытости внимания, Марина вполуха слушала дальнейшую информацию. Она ничего не понимала. Все это было так далеко от ее ежедневных обыденных событий.....

Дальше сообщалось, что Президент и Правительство держат ситуацию под контролем и рекомендуют сохранять спо-

койствие. Доверять своему Правительству. Не возбуждать панику. Беспорядки будут безжалостно пресекаться. Рекомендовалось сохранять обыденный ритм жизни и выполнять свои ежедневные рабочие обязанности. И бла-бла-бла....

– Мы будем держать вас в курсе событий, – в завершение выпуска сказала ведущая и первый раз за весь эфир скудно улыбнулась.

Червячок беспокойства подтачивал сомнения Марины, но она всеми силами отгоняла его, уговаривая себя. Ну как можно не верить Президенту? Ну он-то врать не будет!

Затем, Первый канал запустил какую-то информационно-аналитическую программу, где выступил какой-то архивный, вымирающий вид интеллигентности в ученом мире, который долго, пространственно объяснял непонятное непонятным.

Он поминутно вздыхал, и все повторял, что он старенький, ладно, детишек жалко, пожить не успели, а вышколенный ведущий передачи, тут же, переводил разговор на другую тему или заменял его рекламой.

Марина ничего не поняла и переключила канал. Успокоившись, собралась посмотреть очередную серию развлекательного сериала, который смотрела от скуки почти каждый вечер.

Не тут то было. На всех каналах, включая развлекательные, программы не соответствовали ранее заявленным. Все

киношные и развлекательные каналы, словно сговорившись поставили в эфир все утрированно патриотичные серии "Гардемарины, вперед" или старые советские фильмы, "Девчата", "Весна на Заречной улице" и тому подобные.

Не то, чтобы Марина не любила старые советские фильмы. Они казались ей наивными и трогательными, и она с удовольствием пересматривала их, но при других обстоятельствах. Когда на душе спокойно и ровно. Сейчас же в ней кипела противоречивая буря сомнений.

Даже противоборствующие с центральными каналами телекомпании пустили в эфир программы из серии "Ванга, предсказания о великом будущем России." И уж это Марина точно смотреть не собиралась, считая такие предсказания глупым вымыслом.

– Мама, ну хватит уже переключать все подряд. Давай что-нибудь посмотрим, – попросил Артемка, ковыряясь вилкой в остывшей котлете.

Задумавшись, Марина и не заметила, что ее самостоятельный мальчик уже успел поставить на стол две тарелки с ужином. Она улыбнулась. Совсем уже взрослый, но по детски непосредственный. Он искренне уверен, что всегда всё будет хорошо.

Марина переключила на детские каналы и снова удивилась. Для самых маленьких показывали "Маша и медведь", для детей постарше, полнометражную анимацию про былин-

ных богатырей. Артем сначала недовольно фыркнул, но потом заинтересовался новой серией приключений Алеши Поповича, Ильи Муромца и Добрыни Никитича.

Похоже, сегодняшней целью телевидения было внедрение в народные массы патриотизма, сплоченности и уверенности в счастливое будущее. Дело, конечно, благое, подумала Марина, но.....

Обычно, так составляют программы передач в дни общероссийских праздников. Но календарь на стене ни о каких праздниках не сообщал. Значит, мы должны поверить в счастливое будущее?.... Зачем?

Марине опять стало неопределенно тревожно. Она подсе- ла поближе к сыну, обняла его и поцеловала в макушку.

– Ну, мама, я же смотрю, – Тема недовольно поелозил плечами, всем своим видом показывая, что его отвлекли от важного занятия.

А Марина, глядя на взъерошенный хохолок на макушке сына подумала, что все будет хорошо. Должно быть хорошо. Она очень верит в это. И по другому не бывает!

* * * *

Jimbaran (Джимбаран), Bali(остров Бали), Indonesia(Индонезия), 8 сентября. Максим.

То, что за ним следят, Максим понял неделю назад. В том, что это спецслужбы какой-либо державы, до руко-

водства которой он пытался достучаться полгода назад, Максим не сомневался. Скорее всего именно сейчас он мог им зачем-то понадобиться, когда уже в принципе, поздно. Полосы звезд Млечного пути уже отчетливо и явно стекались в видимую световую точку.

Впрочем, сотрудники спецслужбы особо и не таились и вызывающе нагло торчали во всех местах, где он был. Даже на пляже они крутились неподалеку, среди полуголых окружающих в своих темно-серых костюмах. Эдакие "люди в черном". Нет, скорее, серые люди в сером.

Они ни коим образом не пытались контактировать с Максимом, и его это удивляло. Он не мог понять, к чему эта слежка.

Поначалу, он развлекал себя тем, что удирает от них. Загнаться в толпе низкорослых индонезийцев, конечно было сложно, но на Бали много районов с европейскими туристами. И там Макс устраивал беготню с переодеванием, ночевал у друзей, а когда забывал о слежке, две тени вновь возникали в поле его видимости.

Их было двое, неизменно. Молодой худощавый и высокий и старший, более коренастый. Казалось, они никогда не спят, ни едят и существуют лишь за тем, чтобы следить. Никогда не приближаются и не удаляются.

Две размытые тени в тумане. Иногда казалось что они просто результат его больного воображения. Даже хотелось приблизиться к ним, чтобы потрогать. Может, это паранойя?

Вскоре Максим настолько привык к ним, что перестал об-

ращать на них внимание. Тем более, что в последнее время его рассеянность усилилась. Его сильно мучило ощущение не доработанности его теории. Она уже не казалась ему такой совершенной. Возникло чувство того, что он что-то упустил. Теория явно не полна. Но что?

Он вновь, как в студенчестве, стал зависать и замыкаться в мыслях, не обращая внимание на окружающее пространство.

Он все время думал и искал. Писал формулу везде, на мокром песке пляжа, на салфетке в ресторане, на зеркале в ванной, стилусом в телефоне..... Он замечал неизбежные изменения в людях и окружающем мире, он мысленно включил обратный отсчет времени. Времени оставалось мало. Время пошло вспять. События разворачивались именно так, как он предугадал.

Но оставалось и сомнение. Или, может быть, надежда на ошибку? Бессильно наблюдая начало апокалипсиса, так хочется ухватиться за любую призрачную соломинку надежды, даже если это соломинка – сомнение в собственной правоте.

Он видел, ошибки нет, просто нет и одного значения. Возможно важного, не меняющего, а дополняющего структуру формулы. А возможно и относительно бесполезного, не меняющего общий результат. Но, если задуматься.....

В голове крутился "эффект бабочки". Любое действие, даже незначительный взмах прозрачного крыла, имеет важное значение..... Какое?

Всё имеет алгоритм последовательности и цикличности повторений. Одни и те же действия приводят к аналогичному результату.....

И что это нам дает? События жизни людей постоянно повторяются. Утро, кофе, начало работы в одно и то же время, одно и то же количество часов работы, вечер, ужин отдых, сон. Так живут большинство. Ничего не меняется. Только детали.

А если и детали повторяются изо дня в день? В одно и то же время? Это цепь событий, ведущих к какому-то результату? Это причинно-следственная связь? Или чувство предсказания?

Если каждое утро у него из джезвы убегает кофе, то это значит, что у него запоздалое рассеянное внимание или корявые руки? Или Вселенная настойчиво требует, чтобы он купил, наконец, кофеварку?

Если задуматься, большая часть населения Земли практически живет в постоянном "дне сурка". Изо дня в день, из года в год.

Это удобно. Постоянная цикличность позволяет использовать мозг в минимальных целях, просто следуя инстинктам и привычкам. Живешь для того, чтобы постоянно потреблять, а не созидать. И это тоже очень удобно. Потребляя, становишься неотъемлемой частью системы, что вызы-

вает гордое чувство общности с большей частью человечества.

Мы все хотим быть похожими друг на друга. И даже с пеной у рта доказывая свою яркую индивидуальность и неповторимость, по сути остаемся типовым винтиком социальной системы, и исключение воспринимаем, как опасное отклонение.

Так, но даже в самой однотипной массе всегда найдутся движущиеся в другом направлении. Я не говорю о всяких там неформалах и прочей показушной требухе общества. Я говорю о самостоятельно мыслящих и делающих собственные выводы. Вот они-то и способны двигаться в другом направлении. Или, в противоположном.

Сто лет назад Эйнштейн, сидя в поезде умудрился посмотреть на привычный порядок вещей в другом свете. Так родилась Теория Относительности.

А я? Я могу? В какой поезд мне успеть заскочить, чтобы понять мои упущения? Могу я нестандартно мыслить?

Может быть в этом смысл? Смысл в нестандартном восприятии. То есть, если сейчас Вселенная начинает движение в обратном направлении, то надо посмотреть, что было бы, если бы движение, как прежде шло вперед?

Максим поставил недопитую чашку кофе на стол и выглянул в окно. Две привычные серые тени, как обычно торчали на улице, плаваясь под жарким утренним солнцем. Макс за-

думался, глядя на них. По его новой теории выходит, что при обычном раскладе вроде как он должен следить за ними???

Фу, бред какой-то! Ему-то это зачем?

Значит, остается предположить только "другое направление". Может, какой-нибудь параллельный вектор?

Максим взял свою любимую старую, наполовину испи-санную толстую тетрадь в уже изрядно потертом переплете. Именно эта тетрадь хранила все его мысли и идеи.

Нет, Максим активно использовал все новые устройства техники, и они ему очень нравились. Но, глядя, как быстро совершенствуются технологии за последние пару десятков лет, Максим твердо решил важные данные доверять только бумаге.

У него до сих пор в память о школьных годах сохрани-лась дискета с какой-то важной тогда для него информаци-ей и видеокассета, которую записали для него родители. Те-перь извлечь оттуда что-нибудь уже нет никакой возможно-сти. Разве что, хранить, как упаковку былой памяти.

Макс открыл тетрадь на чистой странице, взял ручку, за-думался. Потом начал быстро писать, стараясь не сбиться с мысли.

Две серые тени напряглись, словно что-то чувствуя, и неслышно переместились ближе к дому.

* * * *

Средняя полоса России, провинциальный городок, 10 сен-

тября. Марина.

Марина допила последний глоток кофе и поставила чашку на стол, сунула в нее ложку, сгребла ладошкой крошки от недоеденной булочки. Последнее время аппетит пропал напрочь.

Она ждала окончание обеденного перерыва, но прекрасно знала, что работать все равно не сможет. Бухгалтерские навыки были абсолютно вытеснены из ее головы тупыми ударами боли по мозгу. Последнее время часто болела голова.

Ходили слухи, что идет сдвиг магнитных полей. Марина не имела ни малейшего представления, правда это или опять чьи-то выдумки и сплетни. Но, будучи сильно метеозависимой, она практически лично была знакома с каждым пятном на солнце и каждым грозovým разрядом в ближайших пределах. Хотелось только одного, чтобы боль ушла. И, абсолютно все равно, каким способом.

Весь день Марина инертно передвигалась по офису, как сомнамбула. Только одна мысль беспрестанно сверлила мозг, методично разрушая его: «Что я здесь делаю?» И, мысль эта относилась решительно ко всему, включая и саму Маринкину жизнь. Впрочем, большинство окружающих людей вели себя примерно так же.

Минут пять туповатого рассматривания картинки на чашке привели к тому, что мозг уловил что-то не вписывающееся в рамки обыденности для него, и сфокусировал взгляд.

Ложка подрагивала и позвякивала в подрагивающей чашке. Мерно покачивался стол, да и вся комната. Исчезла привычно устойчивая опора под ногами.

Считая, что это приступ головокружения, Марина вскочила и, по стеночке, выползла из кабинета в коридор, в желании попросить коллег вызвать скорую. Коридор так же пошатывался.

За окном она услышала движение толпы, панику, отдельные вскрики, и выглянула в окно на улицу. Земля подрагивала.

Кто-то крикнул:

– Что происходит? Землетрясение? У нас?

– Спасайтесь!

Это привело к панике, но ничего не изменилось. Люди никогда не знавшие землетрясений, бесцельно растерянно сустились вокруг.

Земля гудела и подрагивала, казалось, она со скрипом сходит со своей застарелой колеи – орбиты. Все вокруг покачивалось, но без резких всплесков, и, судя по всему, прекращать качаться, не собиралось.

К вечеру состояние поверхности Земли стабилизировалось, и напоминало мерное покачивание палубы небольшого корабля. Люди слегка успокоились. События последних недель приучили их уже мало чему удивляться.

Жертв и разрушений не было, если не считать нескольких покосившихся заборов, да полу развалившихся сараю-

шек, которые не выдержали первой волны легких встрясок.

СМИ сообщили, что глобальное небольшое землетрясение имеет место быть не территории всего густонаселенного и не заселенного вовсе земного шара. Вызвано оно небольшим отклонением орбиты данного земного шара. Яко бы, явление это вполне ожидаемое, закономерное, и, по утверждению, опять таки, светил мировой учености, никакой угрозы для жизнедеятельности народонаселения не несет.

Настоятельно рекомендовалось не волноваться, привыкать к новым условиям существования. Гипотоникам, гипертоникам и сердечникам рекомендовалось плотненько подсесть на свои лекарства, страдающим от качки, больше лежать. А там, глядишь, через пару недель все стабилизируется, вернется на круги своя. Или, планета в свои родные пенаты, или организм адаптируется.

Марина последовала совету "больше лежать" и взяла больничный. Равнодушный врач, уставший за день от резко выросшего количества испуганных пациентов, не глядя прописал лекарства и отправил ее на неделю домой отлеживаться.

Врачу было все равно, он тоже хотел домой и подумывал, не написать ли больничный себе самому на неделю? Может, через неделю все пройдет, как болезнь, тряска кончится, и жизнь вернется к старым добрым обыденно скучным временам?

К вечеру большинство горожан пришло к логичному выводу, что пора собирать стратегические запасы продовольствия и медикаментов.

К своему огромному неудовольствию Марина обнаружила большую очередь в аптеке, в которую зашла вечером, слегка оклемавшись, за выписанным ей лекарством. Народ скупал йод, зеленку и аспирин в количествах, способных обеспечить городскую больницу средних размеров.

Поддавшись всеобщему ажиотажу, Марина зачем-то тоже купила йод, бинты, пластыри, жаропонижающие и противовирусные препараты в огромном количестве. Она вряд ли смогла бы вразумительно объяснить, зачем, и, идя домой, уговаривала себя, что все равно, когда-нибудь все это может пригодиться, хотя бы для ран и ссадин Артемки. Хотя, таким количеством бинтов Артема можно было несколько раз обмотать полностью, как египетскую мумию.

Дома все было относительно спокойно, но уже несколько часов отец напряженно что-то обдумывал, высчитывал и чертил на листе четвертого формата. Затем вдруг резко встал, быстро собрался и заявил:

– Я в гараж. Кое-что сделать надо.

– А ужин как же? – обеспокоенно спросила мать.

– Потом, – непререкаемым тоном заявил отец.

Повисла гнетущая тишина.

– Мать, сходи-ка в магазин, – добавил он обращаясь к жене.

– Зачем? Дома всё есть, – нерешительно спросила она.

– Купи на запас мыла всякого, лучше хозяйственного. Спички, побольше. Сахар, гречку, тушёнку. Водку. Побольше. Может еще что, ну ты поняла. Сумку на колесиках возьми и Маринку, а то не дотащишь, – деловито перечислил отец.

Мать ойкнула и стала собираться.

– Пап, мы же не к войне готовимся. Зачем?

Отец не удостоил глупую, по его мнению, дочь ответом, просто выразительно посмотрел на нее,..... вздохнул.

– Пап, а водку зачем? Коктейль Молотова будешь делать или внутрь употреблять? – невинно поинтересовалась Марина.

– Поговори мне ещё, – пригрозил отец, – потом, не дай Бог, понадобится. Где брать будешь? Кто знает, как всё повернется, лучше подготовиться. А водка во все времена была и будет конвертируемым средством оплаты.

Похоже, так думал не только он. В допоздна работавшем соседнем супермаркете, в который Марина пошла вместе с матерью, уже толпились многие соседи, знакомые и малознакомые люди, жившие на одной с ними улице.

Мать, оценив обстановку, проворно ухватила тележку и покатила ее, расталкивая покупателей, цепко сгребая остатки товаров с полок. Марина послушно тащилась следом, ис-

кренне удивляясь оперативной сообразительности горожан. У людей словно проснулся глубинный инстинкт сохранения жизни, тот, который накопили многие поколения предков, сумевшие выжить в любой ситуации.

Продавцы не успевали выносить запасы со склада. Мука и крупы тут же оказывались в тележках покупателей. Опустели хлебные полки. Люди брали хлеб сушить сухари. Скупалось все, что возможно хранить.

Набив до отказа уже две тележки, Марина с матерью направились к кассе. По неписанному закону работы типовых супермаркетов, в "часы пик", как всегда, работала только одна касса из шести. Конец скопившейся очереди заканчивался где-то в конце соседнего отдела. Уставшая раздраженная кассирша неопределенного возраста, в силу профессии привыкшая слышать в свой адрес многократные нецензурные выражения и успевшая уже их выучить наизусть, работала на автомате, торопливо проводя товар к оплате.

Но, на удивление, сегодня особо никто не ругался и не требовал открыть еще кассы. Все терпеливо стояли, вспоминая, всё ли необходимое успели взять. Многие по несколько раз срывались с места в торговый зал за очередным товаром, увиденным в тележке соседа, затем возвращались. И очередь спокойно, без скандала пропускала людей на место.

Все были объединены чувством общей беды, пережить которую можно только сообща. Люди обеспокоенно обсуждали последние события, пытаясь найти выход и как-то поддер-

жать друг друга.

Только, где-то в глубине души у каждого все-таки скребся и копошился извечный страх неизвестности, легким холодком пробегая от макушки до пят.

А в вечернем небе дыра зияла.... Засасывающая способность ее усилилась. Свечение становилось ярче от количества скапливающихся там звезд....

* * * *

Vaticano (Ватикан), Roma (Рим), Italia (Италия), 12 сентября. Олег.

Тележурналист Олег Кашавин шел в сопровождении швейцарского гвардейца, следом за вторым личным секретарем Папы Римского. Он восторженно поглядывал по сторонам, удивляясь тому, что идет там, где не ступала нога ни единого постороннего, не говоря уже о назойливых туристах.

Он просто не верил сам своему невероятному везению. Его, простого аккредитованного журналиста без прочих сложностей вдруг удостоивает аудиенции сам Папа Римский! Удивительно и странно?!

И все это благодаря его умению задавать не стандартные вопросы.

По дороге, второй личный секретарь, откровенно не скрывая своего раздражения, строго инструктировал Олега в необходимости придерживаться определенных правил и не

тратить время. Не забывать, что он удостоен краткой, очень краткой аудиенции.

Понтифик совершенно не располагает временем на удовлетворение своих неожиданных капризов. Его расписание крайне жесткое.

Кашавин не слушал. Сначала, он пытался сохранить в голове последовательный список вопросов, которые хотел бы задать. Но потом вдруг понял, что вряд ли он сможет управлять беседой.

Понтифик сам изъявил желание побеседовать лично. Значит надо довериться внутреннему чутью и следовать интуиции. Оставалось надеяться, что она не подведет. Такой шанс в пустую упускать не стоит.

Состоявшаяся часом ранее пресс-конференция была стандартно скучна и традиционна. Однотипные вопросы, традиционные ответы. У Кашавина оставалось ощущение, что он участвует в театральной постановке, полностью пропитанной религиозным духом.

Раздраженный Кашавин не мог понять, на кой, простите, черт вообще надо было собирать такую нелепую пресс-конференцию с кучей международных журналистов?

И когда градус раздражения зашкалил, уставший скучать Олег задал свой вопрос:

– Ваше Святейшество, а как Вы относитесь к тому, что Вас называют последним Папой Римским? Вы предвещае-

те Апокалипсис? Об этом говорят Ваши слова о "последнем Рождестве" в декабре позапрошлого года?

Понтифик перевел взгляд на Кашавина и долго молча внимательно изучал его.

– Вы хотите узнать мое к этому отношение? Или будет ли по моему мнению Апокалипсис? – наконец спросил он.

– В идеале, ответ на оба вопроса, – улыбнулся Кашавин, ожидая поддержки окружающих.

Понтифик снова задумчиво помолчал. Наконец, словно что-то решив сказал:

– Я хотел бы побеседовать с Вами. Лично. Надеюсь, Вас устроит личная аудиенция чуть позже. Вы располагаете временем?

– М–м, да, конечно, – веселясь ответил Олег, считая уклончивый ответ понтифика окончательным и ни к чему не обязывающим.

Немного позже, по окончании пресс-конференции к нему неожиданно подошел невзрачный молодой человек, представился вторым личным секретарем и без лишних разговоров велел следовать за ним. Олег очень удивился, но пошел следом.

Оператора, направившегося следом, мягко, но настойчиво молча остановил швейцарский гвардеец. Оператор громко вздохнул и протянул Олегу маленькую удобную профессиональную камеру для съемки.

Секретарь проводил Кашавина до дверей, аккуратно постучал, открыл, молча подтолкнул Олега, предлагая войти, и так же молча удалился.

Кашавин потоптался у входа, быстро оглядываясь по сторонам. Ничего особенного, довольно аскетично. Не сравнить с той музейной частью Ватикана, куда пускают туристов. Решив, что в комнате он один, Олег включил камеру, которую ему оторвав от сердца выдал не допущенный до аудиенции оператор, растерянно оглянулся, не зная, где удобнее её расположить, и, ничего лучше не придумав, поставил на стол.

– Смелее, сын мой. Вы ожидали увидеть что-то другое? – фраза прозвучала по-английски, – Вы ведь предпочитаете говорить по-английски?

Кашавин вздрогнул и, сглотнув от неожиданности, кивнул.

Понтифик поднялся с большого кресла, где не заметно сидел, практически утонув в нем, Кашавину на встречу, посмотрел на работающую камеру, подумал и кивнул, разрешая. Сейчас, в домашней обстановке, понтифик казался моложе и обыденнее, как-то проще. Он казался давно забытым старым знакомым, с которым вдруг неожиданно встретился сегодня.

– Откровенно говоря, да, Ваше Святейшество. Что-то, ну может, более помпезное, что ли, – слегка растерялся Олег, – и уж точно без всяких современных девайсов и гаджетов, –

он указал глазами на лежащий на столе смартфон.

Понтифик снисходительно, но по-доброму улыбнулся, пригласительным жестом указал на кресло, сел в другое сам:

– А Вы думаете, церковь должна отставать от современной жизни?

Олег, смутившись, неопределённо пожал плечами.

– Вы ведь православный христианин, да? – неожиданно спросил понтифик.

Кашавин кивнул.

– Так положено для русского человека, да?

– Ну нет, не обязательно. У нас много конфессиональная страна, – немного обиженно за Отечество парировал Кашавин.

– Но Вы – православный. И веруете, придерживаетесь.....? – продолжал допрос с пристрастием понтифик.

– Ну, как могу. У нас светское государство, – закипая ответил Олег.

– Не сердитесь, сын мой. Мне только хотелось бы знать направленность Вашей веры, – продолжал понтифик.

Не поняв вопроса или затрудняясь в правильности перевода, Олег вопросительно поднял брови.

– Я имею в виду, что хочу понять, во что Вы веруете и верите? – пояснил понтифик.

Еще больше удивившись, Кашавин неуверенно промямлил:

– Ну как, во что? Я же православный.....

Понтифик улыбнулся:

– Люди верят во многое, и приверженность к определенной церкви ничуть им в этом не мешает.

Кашавин задумался..... Ну да, он крещеный. Крестился уже подростком, с родителями. Тогда многие крестились, вроде как даже модно было. Хотя, конечно, многие и осознанно пришли к вере.

А как он сам? Да кто ж знает, он не задумывался. Крестили, и хорошо. В церковь он, конечно, ходил. И на Пасху, И на Рождество. В проруби один раз искупался. И вообще, старался придерживаться традиций. Опять же, как многие, как принято.

А так, чтобы действительно верить.....? Он слишком светский, как и все, в общем-то. Конечно, в минуты сильных трудностей и опасностей он хватался за нательный крестик и как мог искренне молился. Наверно, это и есть истинное выражение веры. В минуты отчаяния всегда ищешь помощи там, где живет твоя вера, и никак иначе.

И сейчас, кажется, он искал веры. Любой веры. Всеми силами.

Понтифик тоже помолчал, не мешая Кашавину думать, а потом вдруг задал совершенно странный вопрос:

– Что привело Вас ко мне? – и быстро добавил, сразу исключая банальный ответ, – на самом деле что?.....

Сначала Олега выбесила эта неожиданная командировка в

Ватикан. Ну что такого экстраординарного может произойти на банальной пресс-конференции с Папой Римским, что надо ехать ему, Олегу Кашавину? Это уровень штатного местного корреспондента.

Но потом он нашел в этом определенные плюсы. Вряд ли кто откажется практически на халяву смотаться в Рим.

И, кроме того, Олег каким-то шестым чувством, как говорят, спинным мозгом ощущал необходимость поехать.

Казалось, что не все так просто. Может, Папа собирается открыть миру что-то крайне важное? Одну из тайн, что на протяжении веков хранит Ватикан?

Приблизительно на это делало ставку руководство канала, отправляя Кашавина.

И вот, сейчас Кашавин растерянно смотрел на понтифика, не в силах сформулировать ни одного вопроса. А действительно, что могло привести его сюда на самом деле? Личные сомнения? Или все-таки, амбиции карьериста?

Олег чувствовал внутри себя смесь обеих причин, но сильнее всего преобладала первая. Вторая представлялась вспомогательной для первой.

Последнее время его постоянно мучил только один преобладающий вопрос: к чему мир движется? И он, Олег, вместе со всем миром? Действительно ли приближается конец всему? И почему именно сейчас?

Как быть?

Олег отлично помнил сомнительное интервью с астрофизи-

зиком Логвиновым и его смерть тем же днем. Именно это интервью внесло сумбур в его жизнь.

По слухам, Логвинов покончил с собой.

И потом, что-то там с погодой и природой сейчас творится начинает? Что значит это землетрясение планетарного масштаба? На днях только же случилось!

Благо, оно было слабым, но пострадавшие от серии прокатившихся по планете цунами не могут быть согласны с такой оценкой. В общепланетарном масштабе эти цунами еще не были критичными, но попробуйте объяснить это человеку, потерявшему свой дом, семью. Для вас, сидящих у экранов и мониторов это просто повод посочувствовать и забыть, занявшись своими делами, а для него – это горе и вся его разрушенная жизнь.

Кашавин последнее время почему-то стал чувствовать необъяснимое единение именно с пострадавшими. И его это мучило.

Он подсознательно пытался найти ответ, подтверждение тому, что все вернется в привычное русло, жизнь будет жить. Все будет хорошо.

Надо только найти причину всех глобальных несчастий и постараться её устранить.

И, если надо, он готов удариться в религию, эзотерику, в науку, наконец, не важно куда. И даже готов повести за собой массы на путь духовного исправления. Не даром он – представитель прессы. Главное, чтобы помогло, спасло, от-

пустило.

Отпустило, в первую очередь, его самого.

Раньше он совсем не верил во всякие там предсказания, провидения, Божьи наказания и прочую ничем не обоснованную мистику. В его отношении к жизни всегда присутствовал здравый цинизм, если так можно выразиться.

Сейчас же, что-то в его душе сломалось, искало любой помощи и готово было оказать любую помощь кому угодно, лишь бы это смогло продлить жизнь, как ему лично, так и человечеству в целом.

Олег так и не смог собраться с мыслями, поэтому вдруг спросил напрямую:

– Вы знаете к чему катится мир, что скоро может быть Апокалипсис? Очень скоро. Быстрее даже, чем мы можем себе представить.

– Да.

– И Вы так спокойно об этом говорите?

– Да, – спокойно повторил понтифик.

– И..... что же делать? – напряженно спросил Олег.

– Ничего.

– Но, как же? Вы же должны, наверно, воззвать к людям, напомнить о нравственности, разоружении, духовности, в конце концов. Это же можно как-то предотвратить? Должен же быть какой-то выход?

– Боюсь, что нет, сын мой, – грустно, но спокойно отве-

тил понтифик, – В Вашем вопросе определенно есть личный интерес. Вы ведь в курсе, Вы что-то знаете, чего не знают другие.

– Да, – смутившись, сказал Кашавин, – я разговаривал с ученым. Но ведь и Вы что-то знаете. Ведь Ватикан хранит какие-то тайные пророчества.

– Их не много, и они крайне мало обнадеживают, – вздохнул понтифик.

– Но как же? А вечные тайные предсказания Ватикана? Что предсказала сестра Лусия из Фатимы? Третья тайна Фатимы – дата Апокалипсиса? Ведь Вы должны знать, как спасти человечество? – как утопающий за соломинку цеплялся Олег за вопросы, ожидая ответа.

– Боюсь, что здесь и сейчас изменить что-либо уже никто не в силах. Но есть предсказание, что мир будет разрушен, когда будет разрушен "Вечный город". Если это Вас утешит, Рим еще стоит.....

– Но, как же вера? Сила молитвы? Я не знаю, что еще....., но что-то наверняка есть. Нам что же, смириться с апокалипсисом? И это предлагаете Вы?..... Вы?

– Вами движет страх, сын мой, – пронизательно взглянув в глаза Олегу, произнес понтифик, – просто, страх. Вы боитесь. Вы ищете веру через страх. Вы ищете веру в своем страхе. Это не правильно. Надо искать веру в себе, может быть, в своей любви или надежде..... Но вера, сын мой, только искренняя вера, силой души материализует мысли. И не как

иначе. И, построив ее на страхе, Вы материализуете всё то, чего боитесь.

Олег внутренне сжался. Да, он боится, сильно боится, хотя мозг и отказывается верить в скорый конец.

– Вы знаете, что означает термин "апокалипсис"? – спросил Олега понтифик, – апокалипсис в переводе с греческого значит – снятие покрова, выход из тьмы, раскрытие сокрытого, изменение. Это может подарить нам зыбкую надежду. Хотя, скорее не нам, а жизни вообще. В любой её форме. Не уверен, что мы выживем, но..... Очень хочется надеяться, что все-таки, хотя бы в последний момент Бог одумается, вспомнит о нас и после обнуления жизни он восстановит ее заново, и даст нам еще шанс.....

Кашавин задумчиво посмотрел на понтифика. Что происходит? Это действительно Папа Римский или игра воображения?

– Я не понимаю Вас, – сказал Олег, – Вы так странно говорите, словно вы не католический священник.

– А кто же? – отозвался понтифик, – Я – иезуит.

– Тем не менее, я не понимаю вас.

– Придет время, возможно вспомните, поймете.

– Время? – переспросил Олег, – Время..... У нас его нет.

– Как знать, – улыбнулся понтифик, – Каждому – своё время. Всему – своё время. Другое время. Вариантов всегда может быть множество. И только вам выбирать, каким там быть, какую жизнь прожить.

– О чем Вы говорите?

– О жизни, сын мой. О многовариантности жизни.....

Тихо скрипнула дверь и в проеме неслышно возник второй личный секретарь, всем своим видом недвусмысленно указывающий Кашавину, что аудиенция должна быть немедленно закончена.

Папа тоже обратил внимание на своего начинающего нервничать секретаря.

– Что ж, сын мой, боюсь, нам с Вами пора проститься. Время – единственная физическая величина на которую пока не в силах никто повлиять, – вставая, улыбнулся собственной шутке понтифик.

Олег, который сейчас стал еще более растерян, чем до беседы, успел напоследок спросить:

– Для чего все-таки была созвана эта пресс-конференция?

Понтифик на секунду задумался.

– Наверно для того, чтобы известить человечество о предстоящей катастрофе. Главным образом, истинно верующих.

– Католиков?

– Не только. Всех, верующих в Бога.

– Но....., Вы же вроде как должны отрицать других Богов?

– Почему это? Как люди могут отрицать других Богов, если своего ни разу в глаза не видели? Вера – многогранна, Бог – един. Для всех! И Апокалипсис коснётся всех, и христиан, и мусульман, и иудеев, и буддистов, и атеистов. Все мы – Бо-

жьи дети..... Я искренне верую, что жизнь не может вот так бесславно прекратиться. Ведь тогда в ней просто нет никакого смысла. И даже если смысл есть, и мы просто не в силах понять промысел Господа, я все же надеюсь на Его милосердие. Разве будущее может быть определено? Вы, журналисты, наверно Вы лучше меня, правильнее сможете сообщить людям о неизбежном.

Понтифик снова помолчал, потом, улыбаясь, добавил:

– В общем-то, для этого..... Или для того, чтобы была возможность просто побеседовать с Вами.

Он молча повернулся и направился в соседнюю комнату. В дверях обернулся, еще раз улыбнулся и закрыл дверь.

Олег не успел опомниться, как его уже настойчиво сопровождали к выходу.

Зависший в своих мыслях Олег на автомате покинул Ватикан через площадь Святого Петра. Мысли были спутаны.

В районе пьядца Навона Олег наконец осознал, что уже некоторое время движется пешком почти строго по прямой, никуда не сворачивая, не имея при этом ни какой цели. Задумавшись, он просто шел так, как несли его ноги.

Так не годится. Ему же надо быстренько добраться до отеля, оценить отснятый материал, собрать вещи наконец, и с оператором отправиться в аэропорт. До рейса осталось не так уж много времени.

Дешевый отель, оплаченный телекомпанией находился чуть ли не на окраине города, хотя и в довольно респекта-

бельном районе. Добираться до него из центра было долго. Сначала на метро, а потом еще на местном аналоге электрички целых две остановки.

В общем, только дорога может занять массу времени. Так что, традиционное разглядывание Римских достопримечательностей отменяется.

Хотя, по сути, он находится сейчас рядом с Пантеоном и знаменитым фонтаном Треви, но именно сейчас эти факты Олега мало волновали.

Он быстро сообразил, что здесь проходит красная ветка Римского метро, и ближайшая станция – Барберини-Фонтана ди Треви.....

Олег торопливо спустился в метро. Он не любил метро, но терпел и принимал, как приемлемый способ передвижения.

Римское метро не любил особенно. Серая, грязная, нелепая, незамысловатая подземка никогда не вызывала у него особого энтузиазма. В таком интерьере хорошо триллеры снимать или фильмы ужасов. Дополнительного антуража даже не понадобится. Ничего общего с московской роскошью и масштабами. Не глубокое и скучное, а в качестве сомнительных украшений – кривоватое и аляпистое граффити, творение местных неформалов.

Кашавину, можно сказать, повезло. Почти сразу подошел поезд.

Но и уже наступил "час пик". Платформа была перепол-

нена людьми.

Олег проворно метнулся к вагону, но его опередили. Вагон быстро наполнился, хотя по московским меркам там было еще достаточно свободного места.

Олег уже было перенес одну ногу в вагон, пытаясь потеснить почтенную, крупногабаритную итальянскую матрону.

Не тут-то было. Итальянка гордо выставила грудь вперед, замахала активно руками, при этом эмоционально и быстро ругаясь. И даже без знания итальянского легко можно было понять, что она думает о наглых, бесцеремонных, невоспитанных туристах в целом, и об Олеге в частности.

Олег обреченно отступил обратно на платформу. Двери захлопнулись, поезд умчался.

Олег знал, что следующий поезд придет не так быстро, как в Москве, что было крайне неудобно.

Но вдруг он поднял глаза, взглянул на направление и понял, что стоит не на той платформе. Ему надо в обратном направлении.

Вот чёрт! Спасибо крикливой итальянской даме, уберегла его от ошибки. Кто знает, куда бы он укатил?

Но придется снова подниматься наверх, на площадь, переходить снаружи улицу, чтобы снова заплатить и спуститься в метро с другой стороны.

Это обстоятельство сильно бесило. Жалко было в пустую потраченные полтора евро, потерянное время.

Но пересечь расположенные по середине станции рельсы

можно только двумя путями: поверху, переходя автодорогу по улице или спрыгнув вниз, на рельсы, рискуя угодить под поезд.

Второй вариант, конечно, не был реальным и во внимание не принимался.

Олег пошел наверх.

Уже выйдя на улицу, Олег вдруг почувствовал под ногами слабые толчки, похожие на легкое землетрясение.

Это было крайне странно, и Олег даже на секунду остановился, слегка растерявшись.

Именно в эту секунду, рядом с его ботинками асфальт гулко треснул, и кривая линия разлома побежала через улицу.

Олег заметил, что вся улица замерла в напряженном ожидании, затихла. Машины и люди остановились. Несколько голосов одновременно взвизгнули в звенящей тишине на пару секунд остановившейся замершей жизни.

Извивающаяся, как змея трещина расширилась до размера ступни, доскользила до середины проезжей части и резко остановилась, осыпаясь кусками асфальта.

Тишина ожидания продолжала звенеть еще несколько мгновений, но.... Больше ничего не происходило.

Олег расслабленно выдохнул.

Уже через секунду вся улица загалдела в два раза активнее, на всех языках мира обсуждая, что произошло. Многие достали смартфоны и начали трещину снимать, делать многочисленные сэлфи на фоне трещины.

Олег тоже достал свой смартфон, сделал пару снимков, включил камеру, как мог, снял всё вокруг подумав, что может пригодиться. Не выключая, повесил камеру на шею.

Олег перепрыгнул трещину и помчался к пешеходному переходу. Перед входом в метро с другой стороны улицы, он вновь уловил покачивание под ногами.

Олег запаниковал. Землетрясение никак не входило в его дальнейшие планы. Даже если Рим готов разрушиться, то пусть это произойдет как-нибудь потом, без него, Олега, как минимум, когда он благополучно улетит домой, в Москву.

Перед Кашавиным встала дилемма – спускаться снова в метро или подождать последствий повторного сотрясения. Олег остановился.

Но вокруг сновали люди, которые явно ничего не почувствовали. Рим жил своей суетливой жизнью, мимоходом громко обсуждая трещину, протянувшуюся сквозь улицу.

Подтянулись полицейские и дорожные службы, оценивая разрушение и ставя ограждения для безопасности.

А Олег так и топтался у входа. Спинным мозгом он чувствовал приближение никак не объяснимой опасности.

Он медленно глубоко вздохнул, размеренно досчитал до десяти, обозвал себя паникером и трусом и шагнул в глубь подземки.

На полпути он вдруг резко остановился, словно его потянули за рукав. Замер и ждал.

И вдруг услышал гулкий протяжный низкий, словно

утробный гул. Гул, который отовсюду и ниоткуда. Гул, который верующие называют "трубами иерихона", а атеисты – гулом планеты.

Гудела Земля. В низкой тональности первородного звука "ом", означающего одновременно рождение и смерть.

Этот протяжный гул слышали все вокруг. Кто-то в панике закрывал уши, кто-то начал истерично рыдать, кто-то грязно матерился, не понимая откуда идет этот звук.

А звук проходил сквозь каждую клетку тела, заставляя людей содрогаться, и с каждой секундой становился всё сильнее.

Олега мелко затрясло от предчувствия и, сам еще не осознав, он сменил траекторию движения на обратную. Ноги сами понесли его к выходу.

И в это же время вся конструкция станции метро содрогнулась и раскололась мелкими трещинами, с невероятной скоростью расплзающимися отовсюду, и грозя обрушиться, погребая под завалами людей.

Послышался крик первой паники, и многие люди, так же, как и Олег, побежали к выходу.

Гул задрожал и резко смолк. От испуга затихли на мгновение и люди.

И через мгновение эту мертвую тишину, из глубины темного тоннеля, разрезал скрежет металла сошедшего с рельс поезда, несущегося по инерции движения, с переворачивающимися в хвосте состава вагонами, на одну из платформ,

сметая всё и всех на своем пути.

Олег не видел губительный состав, но прекрасно слышал. И этот звук заставил его вдвойне ускориться, если бы не толпа обезумевших от страха людей, орущих и затаптывающих друг друга.

Останки поезда боком пронесли по искореженной, разрушающейся на глазах платформе и, замедлившись, резко рухнули вглубь мгновенно разверзшейся широкой трещины, похожей на расширяющуюся воронку. Воронка эта поглотила и часть рельсов, и часть платформы, и куски стены этой платформы. Она продолжала медленно расширяться, как жадный ненасытный рот, поглощая всё, что в ней окажется.

Одна из частей противоположной платформы оказалась отрезанной от лестницы вместе с оставшимися там людьми. Они кричали, пятась от медленно осыпающегося в глубокую темноту провала бетона, молили о помощи, но были обречены.

Им никто не помогал, но многие, стремящиеся к выходу, похватали свои телефоны и стали самозабвенно снимать всё происходящее и тут же выкладывать в сеть, радуясь моментальным миллионам просмотров и лайков.

Хотя и их радость длилась не долго. Платформа быстро раскрошилась и рухнула окончательно, увлекая за собой всех, независимо от рейтинга. Многие экстремалы успели отправить в эфир последние мгновения своей жизни и

смерть.

Олег не видел почти ничего из произошедшего. Он слышал непрерывный крик, но не обращал на это внимания. Перед глазами была только паническая пелена и желание выбраться.

Он рвался наверх, расталкивая и растаптывая окружающих, так же, как и все вокруг. Инстинкт самосохранения сконцентрировал в нем все силы только на непрерывное движение любой ценой.

Он чувствовал себя крысой в мышеловке. Он чувствовал, что разлом всё больше расширяется и движется за ним по пятам, сжирая всё то, что оставалось за спиной.

Лестничный пролет, ведущий на улицу, короткий, но, кажется, нескончаемый, длиною в чьи-то затоптанные жизни.

Олег рвался наружу и уже видел маячивший впереди дневной свет. И тут он вдруг почувствовал в лодыжке сильный резкий укус.

Олег одернул ногу и посмотрел вниз. И увидел, что среди ног людей движется грязно-серый ковер из крыс разного размера.

Бегущие в панике люди на крыс наступали. Крысы прыгали на людей и кусали их. Кто-то падал, и крысы, набросившись на человека в мгновение буквально обгладывали его.

Олег и раньше чувствовал, что наступает на нетвердую поверхность, но не смог осознать, что наступает на крыс.

Откуда их столько?

Лодыжка болела, но это, казалось, разбудило в нем звериную агрессию. Олег рванул еще быстрее.

В глаза резко ударил солнечный свет. Он выбрался. Казалось, прошла вечность времени, убившая жизненный запас нервных клеток. Но по факту, станция исчезла так быстро, что и пяти минут не прошло.

А станция действительно исчезла. Вместо неё на поверхность города выглядывал огромный рваный провал, поглотивший часть улицы и разрушив ближайшие дома.

От провала равной паутиной шли крошащиеся трещины разной ширины.

Олег по инерции еще пробежал немного и, задыхаясь остановился. Остановился на одной из узких трещин. Неуверенно потоптался на ней и, подумав, попятился в сторону на более устойчивый, как ему показалось, кусок асфальта.

Дыхание его было сбивчивым и тяжелым, солнце ослепляло глаза, укус на ноге зудел и вызывал очень неприятные эмоции. Олег подумал, что, наверно, надо обратиться в ближайшую поликлинику, к врачу, сделать укол от столбняка или бешенства, что там колят от укуса крыс? Еще не хватало какую-нибудь заразу подцепить.

Хотелось пить, а на спине выступила испарина.

Сквозь слезившиеся глаза, он увидел этих самых крыс, выползающих из подвалов домов и бегущих прочь. Олег подумал, что крысы всегда первыми бегут с тонущего корабля, и как-то не воодушевила его эта аналогия.

Крысы бежали, дружно, много, отовсюду. Плохо, очень плохо. Наверно, надо бежать в ту же сторону, куда бегут они. Крысы всегда знают, куда бежать, где безопасно.....

– Aiuto, per favore..... Help, please, – услышал за спиной Олег и почувствовал робкое прикосновение руки к плечу.

Невысокая полноватая молодая женщина тянула его за рукав и огромными, в слезах, глазами явно просила помощи.

– Ragazzo....., bisogno di aiuto....., per favore, – умоляла женщина и тянула Олега к полуразрушенному дому неподалёку.

Растерянный Олег послушно поплелся за ней, смутно понимая, что в помощи нуждается какой-то молодой парень, но не понимая, как он, Олег, может помочь? Ему самому нужна помощь, а еще бы, попить.....

У развалин дома уже суетились несколько человек. Двое, похожих на парамедиков, постовой полицейский и еще пара крепких туристов с рюкзаком.

Женщина подвела Олега к ним и быстро заговорила с одним из парамедиков, указывая на Олега и словно слегка оправдываясь.

– Turista?..... English? – спросил парамедик, критично оглядев не слишком крепкое телосложение Олега. Подумав, вздохнул и добавил, – Good.

Олег утвердительно кивнул на вопрос, и только тут понял, в чем, собственно состоит просьба.

Полуразрушенный дом представлял жалкое зрелище. Но хуже всего была глубокая, рваная дыра, уходящая круто вглубь у остатков основания дома. Туда свисали две, судя по всему, тяжелые балки, чудом крепившиеся к останкам строения, под тяжестью завала.

Хуже всего было то, что между балками висел молодой парнишка, почти подросток. Он полулежал на одной балке, другая – придавила его сверху. Он был неестественно выгнут, ноги, как тряпки болтались в тени провала. Похоже, балки перебили ему позвоночник.

Надо было как-то достать парня.....

Олег в страхе попятился.

"Почему я? Я что, спасатель что ли? Я высоты боюсь! Тут техника нужна! И опытные медики! Вы же ему остатки позвоночника переломаете, пока вытаскивать будете! Не, я в этом не участвую! Как-нибудь, без меня!....."

Тяжелая ладонь парамедика, заметившего панику Олега, легла на его плечо. Он быстро, по-английски объяснил, что никакая техника из-за глубоких провалов на площади пока сюда проехать не может, и сейчас пригодится любая мускульная сила. Спасателей пока мало, но скоро еще придут.....

А парнишка, которого они пытаются спасти, уже герой. Он помогал жителям дома выбраться из завала, спас двух маленьких детей той невысокой женщины. Помогал, как мог, пока самого не завалило. Надо помочь!.....

Олег растерянно оглянулся и увидел вдруг, что в стороне

действительно стоят несколько испуганных женщин и детей и тихонько всхлипывают.

Парамедик растолковал для себя растерянность Олега, как понимание и согласие, и командным тоном стал распределять обязанности для каждого участника стихийно собранной спасательной команды.

Парамедик, полицейский и туристы должны были попытаться поднять и сдвинуть балку. Олег и второй парамедик должны держать парня, не дав ему сорваться в провал.

Перспектива Олега не радовала. Удержать на весу парня, когда самому держаться не за что, казалось маловероятным. К тому же, Олег все еще находился в состоянии шока от событий, произошедших в метро. Поэтому все происходящее сейчас почему-то казалось ему что-то вроде любительской театральной постановки, где ему отведена одна из ролей. Относиться к этой роли максимально серьезно он и не собирался.

Все по-честному, он же предупреждал, что дилетант. Ну, то есть, совсем не спасатель.

Туристы с рюкзаком оказались запасливыми "бэкпэкерами", у которых обнаружилось все, что может пригодиться в увлекательном путешествии эконом класса. К тому же, у них оказалась довольно крепкая и достаточно длинная веревка для сушки выстиранного белья. Ее решили использовать для страховки.

Олега тщательно обвязали веревкой. На некотором рас-

стоянии от него обвязали второго парамедика, подумали, скрепили обоих еще и ремнями, которые тоже нашлись у туристов. Получилось что-то вроде связки альпинистов. Свободный конец веревки за то, что показалось максимально надежным – железным перилам упавшего балкона, впечатанным в тяжелую каменную плиту.

– Go, – сказал парамедик и подтолкнул Олега к висящей балке.

Олег вдруг запаниковал. Что значит, "иди"? Куда "иди"? В смысле, "ползи, стараясь не сорваться"?

Тяжёлая ладонь вновь легла на плечо, заставив Олега послушной безвольной марионеткой направиться к провалу.

Осторожно подойдя к краю, Олег лег на балку и тихонько пополз. За ним аккуратно последовал второй парамедик.

Парнишка, висящий над пропастью тяжело надрывно дышал и, кажется, уже терял сознание. Периодически он бессознательно конвульсивно дергался, испытывая боль в районе нижних конечностей, словно стараясь стряхнуть её, корчился и тихо стонал.

Вдруг он открыл глаза и посмотрел на подползшего к нему Олега. Мутные темные глаза вдруг прояснились и в них засветилась надежда. Парень слабо улыбнулся и ободряюще кивнул.

Олега этот благодарный взгляд даже воодушевил на подвиги. Всего делов-то! Подержать за шиворот пацана, который наверняка легкий, потому что почти подросток. Мужички

ки же не дадут им упасть, вытянут волоком. Им сложнее, им балку поднять надо.

Олег понадежнее, как ему показалось, укрепился на балке и обхватил парня. Тот встрепенулся и способной двигаться рукой уцепился за Олега.

– Давай, – прокричал Олег в пустоту, – start, то есть, come on!

Где-то на заднем от Олега плане началось интенсивное движение. Четверо мужчин пытались поднять балку. Но, как-то не очень получалось.

"Ничего", – думал Олег, – "Мы еще повисим немного. Потерпим. Вы только давайте там, не сдавайтесь....."

Женщины кинулись помогать, сгребая ладонями упавшие на балку осколки здания, расчищая застрявшую балку.

Мужчины, как штангисты-тяжеловесы кряхтели и тянули изо всех сил.

Наконец, балка дрогнула и стала двигаться.

Парень в руках Олега ощутимо потяжелел. Теперь он держался почти на весу, только лежа на нижней балке, удерживаемый Олегом.

В этот момент до Олега наконец дошло, что всё это совсем не игра, и на нем висит груз реальной ответственности, причем в буквальном смысле. Мало того, он сам висит над пропастью. На него вновь накатила паника.

"Не дергаться, только не дергаться....., и всё будет хорошо....., наверно. Даже, наверняка!..... Меня спасут,....."

обязательно".

Балка сдвинулась и, удерживаемая четырьмя парами крепких рук, стала медленно продвигаться в сторону. И всё, может, и закончилось бы хорошо, если бы один из группы спонтанных спасателей случайно не оступился.

Балка выскользнула из его рук, резко толкнув за собой остальных, свободным концом просвистев в паре миллиметров от головы Олега, крепко приложившись, к счастью вскользь, по хребту страхующего Олега парамедика, улетела вниз. Тот взвыл от боли, потеряв от удара хрупкий баланс равновесия, завис на ремнях над пропастью, удерживаясь одной рукой.

Дернулась связывающая веревка, затрещали ремни.

Олег остался лежать на балке, крепко обхватив её ногами, совсем без помощи.

Спасатели рванули к парамедику, стараясь вытянуть его из пропасти за все части тела, до которых могли дотянуться, и как можно быстрее. Угроза еще одной перебитой спины сильно всех испугала.

Парень вдруг снова на секунду пришел в сознание, открыл глаза и нервно дернулся, встряхивая нижними конечностями.

– Да не дергайся ты! – как псих, заорал на него Олег, – Жить хочешь? А я – хочу! Ещё как!

Руки его затекли, сил уже не осталось, и сквозь нервную систему тихонько просочился панический страх, оставив на

лбу холодную испарину.

Мужчины вытянули пострадавшего парамедика, отвязали от него веревку. Легче от этого Олегу всё равно не стало.

Но Олег почувствовал, что веревка натянулась, заставляя начать аккуратно отползать. И он пополз, почти уже не чувствуя свое тело, как краб, назад, пытаясь удержать парня.

Парнишка вновь резко пришел в себя, дернувшись и захрипев со стоном, как от резкой боли.

– Да черт тебя.....! Угробить меня хочешь? Или сам улететь на....? – разозлился Олег, чуть не свалившись.

Он вынужденно схватился левой рукой за балку, и теперь парень держался только за счет собственной руки и правой руки Олега.

Олег громко выругался, стало немного легче.

– Какого ты дергаешься? Ты ног не должен вообще чувствовать! А можешь, так давай, двигай ими, закидывай на балку! – по-русски орал Олег от страха, усталости и бессилия, – Что там у тебя с ногами-то?

Он уже немного подтянул парня в сторону от тени здания и посмотрел вниз.....

И замер от ужаса.

У парня не было ног. Вернее, уже не было. Обглоданные кости со следами зубов и кровавыми лохмотьями мышечной ткани до колен заменяли парню ноги.

А на них восседало крысообразное чудовище, догрызая плоть и алчными красными глазками глядя на Олега. Вер-

нее, глазок было шесть пар. Также, как и шесть плотоядных окровавленных пастей с длинными острыми зубами.

Это было существо состоящее из шести огромных крыс, сросшихся вместе одним толстым хвостом. Такой крысиный монстр, мутант. И этот мутант заживо, причмокивая, жрал ноги подростка.

Причем, видно было, что не смотря на откормленные туши, монстр вполне себе резво готов прыгнуть на свежатинку в виде Олега.

Олег заорал.....

Мозг отказывался принимать данность. Что это за фигня? Так не бывает! Эту дрянь надо срочно убить! А чем? Как? Скинуть хотя бы!

В Олеге коктейлем смешались чувства беспомощности, паники, страха и гадливости, и он непроизвольно ослабил хватку, разжав пальцы.

Всё заняло долю секунд.....

Парнишка хватанул ртом и рукой воздух, стараясь схватиться за него. В расширившихся от испуга карих глазах появились мольба и страх. Затрещала ткань его рубашки, когда он начал скатываться по балке.....

Крысиный монстр, почуяв опасность, приготовился к прыжку на новую жертву.

Олег инстинктивно отшатнулся.....

Парень не кричал. Он улетел, как тряпичная кукла, легко соскользнув с балки, вместе с мутантом.

Олег расширившимися в ужасе глазами смотрел вниз и, не осознавая, выл, как затравленный зверь, отчаянно и бес- сильно.

Спасатели с трудом вытащили его на твердую поверх- ность, через силу разжимая его закаменевшие пальцы.

И сейчас, сидя на земле, Олег выл, чувствуя стыд и раз- дирающую душевную боль.

Быть причиной смерти человека очень нелегко. Видеть та- кую смерть – еще тяжелее.....

"Почему?????"

Я не мог иначе..... Или мог?

Парень же был обречен..... или всё-таки, нет?.....

Я хотел убить монстра..... Скинуть внизСкинуть это с парнем я жене хотел!!!

Как бы он жил?????.....

Ноги обглоданы....., спина сломана..... Как бы он жил?.....

Но, жил бы....."

Олег выл, стараясь в глубине души найти себе оправда- ние. Не мог.

Испуганный, умоляющий взгляд стоял в памяти, прожи- гал насквозь.

Неподалеку навзрыд плакала одна из впечатлительных женщин. Хныкали испуганные дети.

Парамедик, уложив своего коллегу на приготовленные ра-

нее носилки, указав добровольно вызвавшимся туристам, куда их нести, тихо подошел к Олегу и тронул его за плечо.

– You did everything..... We did everything we could, – хрипло сказал он, пытаясь ободряюще похлопать Олега по плечу.

Сделал всё, что мог..... Разве всё? Это всё, что мы могли?! Самонадеянно возомнили себя суперменами и сдались.

Я сдался. Струсил. Убил..... Я просто человек, слабый и растерянный. Я никому не могу помочь. Наверно, даже себе.

Парамедик подумал, вздохнул и стал рыться в своей походной аптечке, подыскивая подходящую для состояния Олега ампулу успокоительного.

И тут снова раздался гул. Протяжный и гораздо более сильный, чем Олег слышал в метро. Гул, рвущий барабанные перепонки.

Олег плотно закрыл ладонями уши, но помогло это слабо. Планета гудела. Казалось, она кричала, может, от боли, может, от отчаяния.

Гул все сильнее разрастался, и даже воздух вокруг становился плотнее и вибрировал, заставляя содрогаться каждую клетку тела человека.

Вдруг резко гул стих. И в ту же секунду Олег увидел, как зашевелились, расширяясь, трещины на земле. Зашипели, быстро наполняясь грязной водой.

Инстинкт вновь активно заработал быстрее мыслей Оле-

га. Он побежал, наплевав на всё, перепрыгивая рваные преграды на пути, резко меняя траекторию движения, избегая опасность.

Бежать, бежать отсюда, как можно быстрее и дальше.

В районе бывшего входа в метро образовалась огромная и нескончаемо глубокая воронка.

А трещины неумолимо ползли и росли. И вот уже рядом рухнул дом, осыпав Олега пылью вековой штукатурки. Мимо виска просвистел обломок кирпича, когда рухнул второй.

И Олег бежал, не зная, куда бежит, не слыша крики паники, плач, скрежет тормозов автомобилей, срывающихся в бездну вместе с людьми, не видя, как здания обрушиваются на людей.

Голова звенела пустотой. В бессвязных мыслях крутилось только: "Отче наш, спаси и сохрани....."

Больше ни о чем не думалось, да и не хотелось думать. Хотелось только надеяться и искренне верить. Верить, что можно выжить.

Олег не глядя бежал по улицам, перепрыгивая через расширяющиеся разломы, толкая таких же в панике бегущих людей.

Периодически путь преграждали обрушившиеся стены домов. Он успевал каким-то чудом от них уворачиваться, не слушая крики боли тех, кого завалило.

Олег уже очень устал бежать, начал тяжело задыхаться, легкие разрывались от спазмов. Спотыкаясь, он остановил-

ся. Пелена паники накрыла глаза.

Он подумал, что так, наверно, чувствовали себя жители Помпеи в свой последний день. Но он не собирался разделить их участь.

Ему надо добраться до минимально разрушенной, устойчивой дороги, направленной в сторону аэропорта.

Он постарается улететь сейчас. Любым рейсом. Плевать на вещи, оставленные в отеле. Деньги и документы с собой.....

Олег огляделся. Район, в котором он оказался, кажется, был намного дальше от центра. Здесь было меньше людей и меньше трещин, хотя они были шире. И, кажется, земля под ногами была устойчивее. Или казалась такой.

Рядом снова рухнул дом, заставив Олега закашляться от поднявшейся пыли. Совсем рядом вдруг заплакал ребенок.

Пыль рассеялась, и Олег увидел ребенка лет трёх, стоящего на краю разлома и крепкими кулачками сжимающего край женского платья. Ребенок ревел. Из-под завала торчал край платья и неестественно вывернутая женская нога в туфельке.

Олег подошел и попытался отодвинуть малыша от края глубокой расщелины, но ребенок вцепился в материнское платье и не хотел уходить.

От женщины, похоже, кроме ноги и юбки от платья ничего уже не осталось. Около расщелины валялись куски бывшего

здания, похожие на обломки бетона, арматуры, кирпича и камня.

Возможно, старое здание как-нибудь укрепляли более современными материалами. Или Олегу так показалось, он не разобрался в архитектуре. Это и не важно. Важно то, что строительные материалы расчленили женщину и увлекли половину в разлом.

Ребенок плакал. Олег даже не обратил внимания, мальчик это или девочка. Какая разница? Маленький смертник, ревуший на опасном краю трещины и не собирающийся уходить.

Почва под ботинками Олега треснула и осыпалась в разлом, он еле успел отпрыгнуть.

Нервы сдали, Олег разозлился. Да и чёрт с тобой, маленький итальянский спиногрыз, хочешь, стой здесь и реви, проваливайся в разлом или пусть тебя спасают специально обученные Службы спасения, а я пошел.

И он действительно пошел, разозлившись на себя, разозлившись на ребенка, разозлившись на весь, проваливающийся в тартарары, город, на всё, что случилось за сегодняшний длинный день.

Олег устал, смертельно устал, отчаянная паника сменилась агрессивным бессильным пофигизмом из разряда "да плевать я хотел на всё, куда уж хуже, будь, что будет". Он уже не бежал, он устало, но твердо зашагал, чеканя шаг, наплевав на трещины и опасность провалиться.....

Но далеко уйти он так и не смог, вернулся. Осторожно

ощупывая твердость земли шагами, приблизился к малышу, резко рванул край платья, оставив в кулачках ребенка большой кусок ткани, схватил его в охапку и, сгруппировавшись, быстро перепрыгнул через разлом.

Они с малышом упали на безопасное расстояние, заработали пару синяков и ушибов, но успели. В ту же секунду остатки здания с грохотом посыпались в провал.

Так, отлично, теперь у него на руках ревуший ребенок, и не известно, что делать. Не долго думая, Олег сфотографировал уцелевшую табличку с названием улицы и останки женщины, решив, что это может пригодиться для поисков родных ребенка.

Конечно, Олег был очень растерян от своего спонтанного поступка. Но почему-то ему стало легко и как-то не очень страшно, как будто помощь и спасение одной маленькой жизни сместило акценты значимости его собственного существования.

Оказывается, он не малодушный трус, он может оказать посильную помощь тем, кто в ней больше нуждается. И это осознание как-то даже почти окрылило.

"Я могу.....", и этим всё сказано.

Но проблемы-то никуда не исчезли, и их надо бы как-нибудь преодолеть. Хотя бы узнать, где он сейчас находится, как добраться до аэропорта и куда-то бы пристроить ребенка.

Малыш больше не ревел, а обнял Кашавина за шею,

уткнувшись в плечо сопящим носиком, поверив в силу, надежность и безопасность взрослого. В одной кулачке он продолжал сжимать лоскут ткани, но скорее уже по инерции, он доверился Олегу.

Немного потоптавшись на месте, Олег решил продолжить движение наугад, куда-нибудь, лишь бы не стоять растерянно. Надо двигаться.

Увидев узкий проём уходящей в сторону, но, похоже, почти не разрушенной улочки, Олег решил свернуть туда. Возможно, там безопаснее.

К тому же, на этой улочке он увидел небольшой ларёк, типа советский "союзпечать".

В таких открытых ларёчках предприимчивые римляне продавали магнитики и прочую всевозможную мелкую сувенирную продукцию для туристов, газеты и журналы для местных жителей и, конечно, карты. Всевозможные карты города, подробные, с указанием достопримечательностей, отелей, магазинов, ресторанов, станций метро, со всем, в чем нуждается любознательный турист.

Обрадованный Олег рванул туда.

Ларёк был брошен, вероятно по тому, что от основания соседнего здания шла подозрительная трещина с ладонь шириной, и, похоже, дом держался исключительно на репутации своего архитектора.

Олег критично оценил ситуацию, но решил рискнуть.

Оставив ребенка на безопасном расстоянии, строго велел

ему по-русски (всё равно ещё мал и плохо понимает) не реветь и не идти за ним, аккуратно переместился к ларьку, разбил камнем стекло и сгреб всё, что как-либо показалось ему похожим на карты города. Взял и несколько буклетов на открытых стеллажах.

Порылся в карманах, хотел оставить продавцу несколько евро, всё-таки воровать он не собирался, но услышал вдруг легкий треск ломающейся штукатурки.

Быстро метнувшись к малышу, схватив его в охапку, Олег помчался сквозь изогнутую улочку, подальше от начавшего всё-таки разрушаться и падать дома.

Улочка открылась небольшой площадью. Площадь оказалась мало разрушенной, относительно не плохо сохранившейся и, кажется, довольно устойчивой. Коварные трещины продолжали бежать и по ней, но их было меньше, а устойчивого пространства между ними – больше.

Здесь было более многолюдно. Полицейские, карабинеры, которые следили за порядком, медики, оказывающие первую помощь.

Крысы здесь тоже бегали, но не так активно, боясь людей. Толпились растерянные туристы и местные жители, вероятно из разрушенных центральных районов, обвешанные немногочисленными спасенными пожитками.

В центре находился фонтан. Фонтан! С водой! Жажда вновь с двойной силой иссушила гортань.

Олег поставил ребенка на ноги и погрузил лицо цели-

ком в воду, затем дотянулся до тонкой текущей струйки и стал жадно, пригоршнями пить чуть тепловатую, с привкусом хлорки, воду.

Утолив первую жажду, снова взял ребенка на руки и умыл ему личико.

Рядом с уцелевшим фонтаном, потерявшим только скульптурную композицию организовался стихийный палаточный городок.

Стояла пара автобусов, куда организованно определяли детей и наиболее пострадавших.

Автобусы? Значит, сюда ведет не разрушенная дорога?

Олег подбежал к водителю одного из автобусов и спросил, где аэропорт, в ту ли сторону поедет автобус? Водитель отрицательно замотал головой и на ломаном английском, как мог, рассказал, что везет людей в пригород, туда, где нет провала.

– Аэропорт, – сказал водитель, указав рукой в противоположную сторону, практически туда, откуда Олег пришел.

Попал, подумал Олег и длинно выматерился. Можно, конечно, попробовать отсидеться здесь, среди других туристов, ведь как-нибудь власти должны будут решать эту проблему. Но, совсем не хотелось.....

А вот ребенка лучше оставить здесь.

Олег подошел к полицейской, женщине, которая с несколькими другими служителями порядка пыталась руководить отправкой детей, и сбивчиво по-английски начал объяснять откуда у него малыш.

Полицейская округлила глаза, всем своим видом показывая, что не понимает.

– Чёрт, – раздраженно смутился Олег и попытался использовать международный способ общения "на пальцах", – бэ-би-бой....., то есть бамбино..... там, один, мать пришибло.....

Тут он вспомнил о сделанной им фотографии в смартфоне и молча показал ее.

У полицейской выступили слёзы. Кажется, она поняла. Она благодарно посмотрела на Олега, жалобно – на ребёнка.

Олег погладил малыша по голове и отдал на руки полицейской.

– Давай, пацан, держись, расти хорошим, если повезет жить дольше, чем длится эта осень, – на прощание сказал Олег, собираясь уходить.

– Bambina, – сказала вдруг полицейская, указав на малыша.

– Чего? – не сразу понял Олег.

Он удивился и впервые внимательно посмотрел на ребенка.

Да, это действительно была маленькая девочка, кудрявая, в комбинезоне со штанишками синего цвета, что и ввело в заблуждение Олега, привыкшего к русскому цветовому гендерному различию.

А впрочем, какая разница, мальчик или девочка? В большинстве европейских стран сейчас дети вообще среднего пола, трансгендеры. Может, и хорошо, что девочка. При удач-

ном раскладе, может девочкой и останется, может, женщиной вырастет. Если, вырастет.

Главное, сейчас с малышкой всё будет хорошо. Пока, во всяком случае. Олег был в этом уверен.

Олег собрался уже идти, но вдруг понял, что не знает куда. И где, собственно, он?

Он достал из-за пазухи ворох изъятой в ларьке бумажной литературы и, бросив прямо под ноги, попытался выудить какую-нибудь подробную адекватную карту. Нашел, поднял, подал в руки полицейской, изобразил руками охват площади и спросил:

– Где мы?

Женщина кивнула, показав, что поняла его, достала из внутреннего кармана формы ручку и поставила на карте крестик.

Олег кивнул и снова спросил:

– Аэропорт?

Женщина поставила другой крестик и махнула рукой, указывая направление.

Обидно, но Олег оказался в противоположной от аэропорта стороне. Далеко. Хорошо бы найти машины и как-нибудь доехать.

Олег разглядывал карту и думал, как быть. Машин по близости явно не было, да и наличие карабинеров не сильно обнадеживало для совершения временного использования чужого транспортного средства. Придется пока пользоваться

собственными ногами.

И Олег пошел. Он решил не углубляться снова в центр, идти больше по периметру, но в нужном направлении. Долго, трудно, тяжело, но возможно, периодически сверяясь с картой.

Районы города попадались разные, больше или меньше разрушенные. Расщелины – широкие или узкие, но все они были неизмеримо глубокие.

Олег очень устал, укус зверски зудел, но он шел и видел, что многим людям намного хуже. И он помогал, как мог.

Вытащил из под небольшого завала пожилую супружескую пару, соорудил из балок упавшего дома конструкцию, заменившую мостик, для прохода жителей на более устойчивую поверхность. Объяснил растерянным, испуганным туристам где они находятся, и где может быть безопасно. Вытащил из машины, частично провалившейся в расщелину, всех пассажиров. Хотел попытаться вытащить и машину, но не удалось.....

Олег чувствовал в себе силы на грани адреналина и ложную неуязвимость. Прямо герой, супермен, самоутверждающийся путем замены событий, которых уже не возможно изменить..

И всё бы хорошо, если бы перед глазами всё время не мельтешили глаза того, брошенного им подростка.....

Казалось, ангел-хранитель Олега, который сегодня активно трудился, не покладая рук, уже перевыполнил план спасения на полжизни вперед и уже ни чем не сможет удивить. Но, удивил.

Машина! И дорога, сильно разбитая, но, кажется, по ней можно ехать, и, судя по карте, в аэропорт.

Маленькая машинка просто провалилась одним колесом. Парочка молодых туристов беспомощно топталась рядом.

Олег, закаленный опытом проезда по российским дорогам в весеннюю распутицу, помог им выбраться и попросил довести до аэропорта.....

Глядя в иллюминатор взлетающего самолета, Олег видел разломы беспорядочно исчертившие Рим на куски, пересохшее русло и так ранее скудного Тибра. Полуразрушенный Рим выглядел как жертва серийного маньяка, получившая множественные глубокие ножевые ранения, с глубокой вырезанной раной по середине, не совместимой с жизнью.

Историческая часть Рима была почти совсем утеряна. Большая часть центра и Ватикана превратилась в огромную, непроглядную по глубине, воронку. Уже не восстановить. А возможно ли восстановить уцелевшие осколки "Вечного города"?

В памяти медленно всплыла фраза:

"Мир будет разрушен, когда будет разрушен "Вечный город". Никто не уцелеет."

Средняя полоса России, провинциальный городок, 19 сентября. Марина.

За прошедшие пару недель жизнь вошла в привычное русло. Россияне следовали совету Правительства и сохраняли спокойствие.

Марина придерживалась общегражданских принципов, поэтому и ее жизнь ничем не изменилась. Она ходила на работу, Артем – в школу. Она старалась не особенно обращать внимания на сплетни и слухи, которые конечно же множились, как грибы после дождя. Жизнь текла по накатанной.

Это утро так же мало отличалось от всех предыдущих.....

И, собираясь на работу, Марина привычно подошла к зеркалу.

Эти обычные для нее десять минут на наведение красоты, уже не вызывали той радости, которая присуща молодым женщинам, при созерцании своего молодого еще и миловидного лица. Марина выполняла обыденный утренний ритуал, скорее, из необходимости. Не пойдешь же на работу не причесанная, не подкрасившись.

Каждая минута утра была сотни раз измерена, определена в целях целесообразности. Проснуться, принять душ, приготовить завтрак, разбудить Артема, слегка шлепнуть его по

попе, заставив умываться, собрать его школьный рюкзак, позавтракать и, ровно в восемь тридцать, бежать на работу.

Но перед этим, десять минут священнодействия, превращения из заспанной замухрышки в очаровательную, интересную женщину. Марина прекрасно знала все достоинства и недостатки своего лица, и совершенно не обольщалась. Не ожидая увидеть в зеркале ничего нового, разве что, новую морщинку, она привычно потянулась к баночке с кремом, подняла глаза к зеркалу, и вдруг, от неожиданности, уронила крем.

Из зеркала на нее смотрело юное, свежее лицо. Ее, Маринкино лицо, но только помолодевшее лет на пять, а то и десять. Такой она была в двадцать лет, а то, и раньше.

– Мама! Ты такая красивая! – Тёмка, который всегда любил восторгаться по любому поводу, в восхищении тарашил глаза.

Марина, в полной растерянности, прислонилась к стене, и тихо съехала по ней на пол. Все чувства пришли в смятение. Оказаться вдруг молодой и красивой было так здорово! Сознание собственной красоты всегда окрыляет, особенно, когда не ждешь этого неожиданного подарка судьбы, и, в тайне надеешься, что посетил он только тебя. Подруги обзавидуются!

Непонятно только, с чего вдруг природа решила нарушить ею же веками установленные правила игры. Все это прекрасно, но, чудес, как известно, не бывает.

И, все-таки..... Это новое лицо было старым знакомым, тем, каким оно было в момент встречи с Темкиным отцом. Взгляд Марины затуманился, щеки порозовели..... , нахлынули воспоминания, те, которые она прятала в потаенных уголках души много лет.... Максим, где ты сейчас? Почему у нас всё так нелепо вышло?.....

Лето.....Разгоряченный асфальт под ногами. Она – юная, прелестная почти восемнадцатилетняя абитуриентка первый раз приехавшая в Москву. Она в красивом летнем платье гуляет с подругой на Воробьевых горах, нисколько не заботясь о том, что завтра первый вступительный экзамен. Она была очень в себе уверена и самонадеянна. А до появления ЕГЭ оставалось еще почти два года.....

Он появился неожиданно. Как потом она узнала, это была его особая манера знакомиться.

– Привет. Ты красивая, – просто сказал он. Простая констатация фактов тоже была его особенностью.

Не зная как реагировать, она просто смущенно улыбнулась в ответ. Будучи очень юной и не искушенной, но обладая очень хорошенькой внешностью, она привыкла к банальному навязчивому вниманию из разряда "вашей маме зять не нужен?". На это она всегда знала, как колко ответить, чтобы отвести наглеца. Но тут, просто румянец смущения и растерянная наивная улыбка. В мгновение ока она забыла все правила кокетства. Он искренне улыбнулся в ответ, гла-

за потеплели и засветились изнутри синими искрами. И уже тогда, еще не осознавая, она начала тонуть в этой синей бездне.

– Хочешь, – утвердительно сказал он, указывая глазами на лонгборд, на который опирался одной ногой.

– Я не умею, – разочарованно ответила она, хотя с ним уже готова была и с парашютом прыгнуть, если он попросит.

– Я хочу! – рядом засуетилась подружка о которой они уже и забыли совсем.

Он посмотрел на подругу, как на досадную помеху и развернулся так, чтобы устранить ее из разговора.

– Я научу, пошли, – взял Марину за руку и, подхватив лонгборд, повел за собой.

С этого момента начались их сложные отношения. Сложные, потому что никак не подчинялись привычным для Марины принципам. Он совсем не ухаживал за ней, как было принято. Марина не понимала почему и обижалась. Потом простила, потому что любила.

Он вообще не был склонен ни к какой девчачьей романтике. Даже не понимал, зачем она нужна и как ее проявлять.

Он никогда не дарил ей цветы. А когда она однажды от этого надула губки, просто спокойно ободрал первую попавшуюся клумбу рядом с каким-то госучреждением. Марина испугалась, и они бежали смеясь от этой клумбы, а в ее руке была охапка цветов и травы.

По ее просьбе он водил ее в кино, на модные фильмы, ко-

торые она выбирала. Терпеливо скучал полфильма, а потом либо засыпал, либо доставал свой коммуникатор. Она злилась, он удивлялся, как можно такую ерунду смотреть.

Он познакомил ее со всеми своими друзьями и таскал повсюду с собой, не принимая отказов. Говорил, что хочет быть все время с ней. Она верила, и старалась быть всегда с ним, часто наплевав на собственные интересы. Он постоянно требовал ее внимания, но сам вдруг мог бесследно пропасть на несколько дней. И не отвечать на звонки. В первый раз она чуть с ума не сошла от беспокойства. А он появился через пару дней и спокойно сказал:

– Я был занят.

Периодически Максим вдруг зависал, остекленевшими глазами глядя в пустоту. Потом резко очнувшись хватал любые клочки бумаги, ручку, все, что было под рукой и торопливо записывал то, что родилось в его голове. Она сначала пугалась. Потом, привыкла.

– Гений, привыкай, – говорили друзья.

Он одинаково тесно дружил и с парнями и с девушками. Она ревновала, Макс удивлялся и говорил:

– С ней же интересно. А какая разница?

Марина боялась, что Макс с ней совсем не интересно.

И она опять прощала. Прощала за нежность и ласку, за жгучую страсть, которые он дарил ей ночами. И ревность отступала.

Марина провалила все экзамены. Отчасти из-за него. Он

занимал все ее время и все ее мысли. Прошел всего месяц, а Максим успел занять уже всю ее жизнь. Мир без него для нее не существовал. Прошел целый месяц, а она еще толком ничего не знала о нем.....

Хозяйка квартиры, которую Марина сняла в глухой окраине на месяц вместе с подругой потребовала проплатить следующий месяц или съехать. Подруга благополучно поступила, планировала жить в общежитии и больше в квартире не нуждалась. А у Марины кончились все деньги, которые ей дали с собой родители.

Марина в слезах пришла к любимому.

– Не вопрос. Живи у меня, – без эмоций сказал он.

– Но это же общага, – она глазами указала на соседа по комнате.

– Антоха, ты же переночуешь сегодня..... где-нибудь, – это была даже не просьба, а констатация факта в его особой манере.

Сосед Антон легко усмехнулся, пожал плечами, взял несколько необходимых вещей и молча вышел.

– А завтра? – робко спросила Марина.

– Будет завтра. Придумаем что-нибудь, – он беспечно пожал плечами.

И еще один сумасшедший месяц они жили вместе в его комнате в общежитии. Молчаливый сосед Антон периодически появлялся, но никогда не ночевал. Марина стеснялась

поначалу, потом привыкла. Угощала его борщом, который часто с любовью готовила для милого.

Конечно, у них были трудности. И не только финансовые. Марина отлично помнила, как ее поймали поздно вечером, демонстративно выдворили за пределы. А потом она влезла в окно первого этажа, в комнату друзей. Благо окно было низко и они помогали. Скоро это окно стало ее официальным входом. Сначала в окно, потом короткими перебежками до своего этажа, прячась от коменданта и вахтеров. И вся эта жизнь казалась забавным приключением.

Марина узнала, что ее Максим занимается физикой. Подает большие надежды. Легко перешагнул несколько курсов и уже зачислен в аспирантуру, не смотря на юный возраст.

– Вундеркинд, – дразнили друзья.

Серьезно увлекала его физика. Это была его самая значимая любовь. Марина подозревала, что эта любовь для него намного важнее ее самой. И молчала, и терпела.

Лето подходило к концу. Марина не строила никаких планов, но надеялась, что все останется, как есть. Ведь они живут семьей. И даже комендант уже смотрит сквозь пальцы, только намекает, что надо для получения комнаты все оформить документально. Марина была бы только рада, но.....

– Солнышко, я должен уехать, – как всегда спокойно, без эмоций однажды сказал Марине ее любимый.

– Не надолго....На три, может, четыре года, как повезет.

Там отбор жесткий. На каникулы я буду приезжать, – быстро добавил он, видя слезы в ее глазах.

Марина молча плакала. Она уже поняла, что это конец отношениям. Вот так, просто выбор сделан в пользу физики.

– Когда? – тихо, чтобы не разреветься в голос, спросила она.

– Зачисление в начале ноября. Но..... я должен ехать сейчас, там вступительный экзамен. На конкурсной основе, а зачислено будет только несколько десятков аспирантов из разных стран. А я еще даже толком и не аспирант.

– То есть, ты можешь провалить экзамен и вернуться? – в Марине вспыхнула надежда.

– Нет, я не могу. Не должен. Такая возможность выпадает редко. Это же SISSA! – его глаза горели восторгом.

– Это же International School For Advanced Studies. Для меня и так сделали исключение, благодаря ректору. У них экзамены в июле, а меня допускают в виде исключения сейчас. Им понравилась моя тема, над которой я работаю, говорят, в ней есть потенциал. Я буду заниматься астрофизической теорией элементарных частиц. И это круто! Это расширит мою сферу изучения. И они берут все расходы на себя. И как студент я не буду платить. Это же безумные деньги. Кажется шесть тысяч евро..... А потом, может быть, Кембридж или Университет Майнца, еще не знаю. Я разноплановый, мне вся физика интересна. Ну и, как деньги будут, конечно.... Малыш, ну порадуйся же за меня, – в его синих глазах

промелькнула просительная искра.

– И, где это? – осторожно спросила Марина.

– Триест, Италия.

Италия тогда была для Марины что-то вроде другой планеты, недостижимой и, в общем-то, бесполезной для её, Мариной, жизни.

– Италия? А на что ты жить там будешь?

– Ну, придумаю что-нибудь. Подрабатывать буду, – весело ответил он.

И тогда у Марины с кончика языка сорвался ее главный вопрос:

– А как же я?

Немного позже, уже наревевшись, Марина помогала ему собирать вещи. Заботливо складывала носки, гладила рубашки, следила, чтобы ничего не забыл. Они вместе решили, что пока Марина поживет здесь. Пока она не найдет работу и дешевое жилье. Он сходил к коменданту и всеми правдами-неправдами и денежными вложениями договорился об этом.

Он не хотел, чтобы она поехала в аэропорт его провожать. Она послушно осталась и опять редела весь вечер. На следующий день он не позвонил, даже sms не прислал, как добрался. Она забеспокоилась и стала набирать его номер.... Запиликала незамысловатая мелодия из трех нот, мелодия его телефона, здесь, в комнате, в ящике стола....

Макс забыл телефон. Это и успокоило и встревожило одновременно. С ним, наверно, все в порядке, он не забыл ее, он забыл телефон. Ему просто не от куда позвонить. И он свяжется с ней, обязательно свяжется. Он найдет способ, по другому быть не может.

Марина вдруг задумалась. А ведь толком они друг о друге мало что знают. Ну имя, фамилия, вкусовые предпочтения, фильмы и музыка.... А дальше? Их связывали телефоны, номера которых были вбиты в память этих телефонов. И как его сейчас найти? А если вдруг и он не помнит ее номер?.....

Еще два дня она ждала и терзалась сомнениями. Тогда же почувствовала, что беременна. А на следующий день пришел комендант и потребовал ее выселения. Тогда же, когда купленный в ближайшей аптеке тест показал две полоски..... Коменданта мало интересовало, куда пойдет беспомощная растерянная девушка, его интересовала только нехватка койко-мест для будущих студентов.

И тогда Марина решила ехать домой. К маме с папой. Они простят и помогут. На вокзал ее проводил все тот же безотказный друг Антон, помог занести в вагон вещи. Пообещал, что обязательно сообщит ей, как только Максим как-нибудь свяжется с ним, если свяжется.

Антон иногда звонит и по сей день, хотя общение свелось уже к взаимным поздравлениям по праздникам и не более. И никакой информации он до сих пор не имеет.

Тогда казалось, жизнь ее напоминает дешевую бульвар-

ную мелодраму, такую, которые Марина всегда не любила, считая их глупыми и неправдоподобными. Неудачница главная героиня залетела и едет домой к родителям каяться и вымаливать деньги на аборт.

Родители дочь не ждали. Она ведь наврала им, что вышла замуж. Они радовались за нее, сокрушались только, что молодежь нынче свадьбы не празднует.

Узнав всю правду, отец бушевал долго. Мать жалела и защищала Марину. В конце концов решили:

– Рожай, сами воспитаем. И в институт какой-нибудь потом заочно поступишь. Мы еще не старые, здоровые и крепкие. А ты молодая, дурочка. Что случилось, то случилось.

Так и родился поздней весной Артемка, в маленькой жизни которого от отца было только отчество. Артем Максимович. Смышленный синеглазый мальчик. Самая большая драгоценность оставленная ей ее любимым Максом. Правда иногда, глядя на эту маленькую копию Макса, Марина сожалела, что Макс не знает о нем.....

– Мама, мы опоздаем, – в нетерпении Артем теребил ее за руку.

– А, да, сейчас идем, – Марина взглянула мельком на ребенка, еще раз удивившись его схожестью с отцом.

И....., сначала, не поняла, растерялась от легкой перемены в нем. Казалось, он уменьшился и помолодел тоже. На вид он уже не выглядел восьмилеткой, казался младше.

Нет, не может быть! Это же ребенок, он же вырастет, растет!

Она подвела Артемку к картонному метру прикрепленному на стене, где они отмечали регулярно его рост, и красным маркером поставила отметку. Красная полоса была на три сантиметра ниже, чем отметка поставленная полгода назад в день Артемкиного Дня рождения.

Этого не может быть! Никогда! Ни за что! Все что угодно, но только не с ее ребенком!!!! Нет!

Силы оставили Марину. Переживания всего последнего времени разом нахлынули на нее, и она отчаянно и бессильно завывала в голос. От испуга и непонимания Артем тихо захныкал вслед за матерью.... Проревевшись, Марина, пошатываясь, подошла к телефону, и, дрогнувшим голосом, вымолила отгул, сославшись на болезнь. Артем в школу тоже не пошел. Обнявшись, они еще долго сидели, пытаясь успокоить друг друга.

А за окном, подобно второму солнцу, уже среди бела дня, пульсировало световое пятно, дыра, поглощающая звезды....

* * * *

Средняя полоса России, провинциальный городок, 26 – 30 сентября. Марина.

– Конец Света скоро грянет. И все мы придем на суд Бо-

жий. И со всех и каждого спросится за их деяния. И спасутся только праведные. Вот, деточка, почитай эту книжку. Там все про это сказано. И приди к Богу. Приди к нам. Принеси дары свои.

Последнее время сектанты разных мастей вечерами просто оккупировали жилую часть города, волшебным образом просачиваясь в дома. Причем, наличие домофона и кодового замка не являлось для них препятствием. С виду старушки – одуванчики оказывались очень деятельными и напористыми.

Подобная старушенция неопределенного возраста рвалась в квартиру. Проговорив что-то нечленораздельное, но твердым отказным тоном, Марина попыталась вытолкнуть ее за дверь. Не тут то было. Явно помолодевшая и окрепшая за последние дни старуха оказалась сильнее, и, соответственно, оказалась за дверями квартиры, но с внутренней стороны.

– Деточка, изгони сатану из сердца своего. Приди к нам. Стань сестрою во Христе. Принеси Христу все, что имеешь. Конец Света скоро. Все равно, не сохранишь ничего. Придешь на Суд Господень, – продолжала причитать старуха.

– Хм, если все пропадет, вам то оно зачем, добро мое. Вы, что же, вечно жить собираетесь? – Марина всегда недолюбливала этих навязчивых сектантов.

– Да, ведь спасутся праведные. И ты спасешься, если праведной станешь.

– Ну, тогда мне самой мое имущество пригодиться, – раз-

драженно отрезала Марина. И, не выдержав больше, позвала, зная, что отец церемониться не будет, – Пап, подойди, тут, вероятно, по твою душу. Агитировать будут.

Последних несколько дней, Марина с сыном обитала у своих родителей, не могла выносить одиночество. Необъяснимый страх тисками сжимал горло всякий раз, как она заходила в свою пустую квартиру, оставаясь один на один с тем страшным и необъяснимым, что творилось сейчас вокруг.

Боятся стали все. Инстинктивно, люди стремились почаще находиться в толпе, отвлекаться общением, работой или алкоголем. Но никто не хотел смотреть на небо и оставаться один. По городу ходили самые разнообразные слухи. Назревала массовая паника.

Ощущение, что телевидение и СМИ постоянно врут или, как минимум, не договаривают прочно поселилось в умах людей. Уже мало кто верил в официальную версию незначительного и уже решаемого учеными нарушения экологии. Сложно верить в "незначительные проблемы экологии", когда твой ребенок не растет, а уменьшается.

Глобальное землетрясение мягко сошло на нет, но количество часов в сутках стало заметно увеличиваться. Прибавилось уже около двух часов. Планета замедляла вращение.

Когда же природные катаклизмы начали набирать обороты, люди твердо уверовали в то, что проблемы очень серьез-

ны.

Сначала ураган по имени Харви обрушился на Техас и принес значительные разрушения. Затем, крупнейшее за последнее столетие землетрясение в Мексике магнитудой 8.2. Кроме серьезных разрушений оно унесло девяносто шесть жизней.

Не успел Американский континент оправиться, как новый ураган с красивым именем Ирма обрушился сначала на Кубу, потом на Флориду. Волны высотой семь метров и ветер скоростью двести пятьдесят километров в час мало что оставили за собой.

Все эти катаклизмы без обиняков СМИ связывали с небесным явлением, мягко намекая, что возможно ожидаются еще землетрясения в Чили и районе Тихого океана.

Марину, как и большинство россиян успокаивало только то, что страдает пока только Америка. Наверно, сами заслужили, так отец говорил. Хотя внутренне и он был напряжен и теперь ждал подвоха от погоды постоянно, даже на территории России. Именно поэтому зачастил ходить в гараж, втихаря от жены переделывая небольшой подвал для хранения картошки и домашнего консервирования в неприступный вместительный бункер.

А тут еще вдруг возникла крупнейшая за двенадцать лет солнечная вспышка. Многие страдали сильной головной болью, обострились проблемы хронических заболеваний.

Возникли проблемы с мобильной связью, электроэнерги-

ей, что у многих привело к поломке техники.

Но, на этом природа не желала успокоиться. Когда пару дней назад ураган возник в центральной части России, россияне действительно испугались. Этот ураган еще не был слишком сильным, но обесточил нижегородскую и владимирскую области на несколько дней. Люди напряженно ждали возможного продолжения, морально готовясь к худшему.

Кроме того, многих пугало обрушение в Риме, случившееся через два дня, после глобального землетрясения. Жители больших городов, имеющих метро стали панически бояться того же.

По миру через интернет стали расползаться слухи, что начинает тихо просыпаться Йеллоустоун, и Рим – это только начало.....

И еще, эти крысы..... Стало опасно спускаться в подвалы многоквартирных домов, появляться на городских помойках.

Там стали обитать огромные клубки крыс, сплетенных в хищные узлы хвостами, со всех сторон окруженные голодными острозубыми глотками, не оставляющие жертвам ни единого шанса.

В городе ходили слухи, что они загрызли несколько бомжей и стаю бродячих собак.

Говорят, крысы стали появляться повсеместно. И связано это с глобальным землетрясением. Монстры из Преисподней, предвещающие приход Четырёх всадников Апокалип-

сиса. Так шептались люди по углам.

Последние дни, когда центральные новостные каналы ТВ придерживались официальной версии, так называемые альтернативные ТВ каналы активно эксплуатировали личные человеческие трагедии на фоне природных катаклизмов для повышения собственных рейтингов. Заодно выдвинули и собственные версии.

НТВ и РенТВ запустили в эфир программы из серии "самые шокирующие гипотезы" и "скандалы, факты, расследования" о глобальных природных необратимых изменениях, которые грозят всему человечеству апокалипсисом. Для закрепления эффекта каждый день пичкали зрителей программами на соответствующие инопланетно-космические темы.

Те, ТВ каналы, кто считал себя наиболее образованными, такие как канал "наука", "national geographic" и тому подобные полагали, что природные аномалии возникают из-за слияния галактики Млечный путь с хвостом галактики Туманность Андромеды, которые приблизились уже настолько, что сила гравитации уже начала переплетать края галактик.

Данное слияние вообще-то ожидалось через пару тысяч лет, но в силу последних обстоятельств, расчеты быстро пересмотрелись. Но, поскольку процесс слияния длительный, паниковать не стоит. Возможно, мы просто становимся очевидцами необыкновенного явления.

Все эти каналы обычно смотрела мать, искренне веря им

и успокаивая себя призрачными обещаниями ведущих таких программ, что апокалипсис затронет всех, но не коснется территории России.

Мать втихаря приобщала к ним и Артемку, несмотря на громкие протесты отца и Марины. Артемка же воспринимал их, как интересную космическую сказку в которой он ничего не понимал. Для бабушки, он делал вид, что смотрит одним глазом, одновременно играя, ползая в соц.сетях или переписываясь с друзьями с помощью эмодзи в планшете.

Дети тоже на свой лад обсуждали все происходящее вокруг. И, конечно, главной темой было скопление звезд. Артем был одним из самых активных участников детского форума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.